

Марина Алиева

Жанна д'Арк из рода Валуа

книга первая

Марина Алиева

**Жанна д'Арк из рода
Валуа. Книга первая**

«Издательские решения»

Алиева М.

Жанна д'Арк из рода Валуа. Книга первая / М. Алиева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741458-0

Этот роман объединил в себе попытки ответить на два вопроса: во-первых, что за люди окружали Жанну д'Арк и почему они сначала признали её уникальность, а потом позволили ей погибнуть? И во-вторых, что за личность была сама Жанна? Достоверных сведений о ней почти нет, зато существует множество версий, порой противоречивых, которые вряд ли появились на пустом месте. Что получится, если объединить их все? КТО получится? И, может быть, этих «кто» будет двое...

ISBN 978-5-44-741458-0

© Алиева М.
© Издательские решения

Содержание

ЖАННА Д'АРК ИЗ РОДА ВАЛУА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
6 ЯНВАРЯ 1408 ГОДА	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ЕПИСКОП	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ВИОЛАНТА	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
(Конец августа 1399 года)	22
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	25
ФРАНЦИЯ	25
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ	34
АНЖУ (1400 – 1407)	38
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	47
КАРЛ ЛОТАРИНСКИЙ	47
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	52
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	55
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	57
ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНЫЙ ЗАГОВОР	57
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	65
КОРОЛЕВА ИЗАБО	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Жанна д'Арк из рода Валуа

Книга первая

Марина Алиева

Иллюстратор Марина Владимировна Алиева

Дизайнер обложки Марина Владимировна Алиева

© Марина Алиева, 2021

© Марина Владимировна Алиева, иллюстрации, 2021

© Марина Владимировна Алиева, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-1458-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖАННА Д'АРК ИЗ РОДА ВАЛУА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

6 ЯНВАРЯ 1408 ГОДА

Женщина рожала очень тяжело. Она уже не металась по постели, как час назад, когда усилились схватки, а только глухо рычала, зажав зубами, скрученное жгутом, полотенце. Голова её, со спутанными, взмокшими волосами, вдавилась затылком в подушку. Шея словно удлинилась, выгнулась дугой – вся красная, со вздутыми жилами, напряжённая так, что напоминала смоченный водой мрамор. И только пальцы, по-прежнему скребли по простыне с монотонностью, говорившей о том, что боль совершенно измотала женщину.

Над постелью озабоченно склонилась суровая повитуха. С недовольным бормотанием она без конца ощупывала живот несчастной, отрываясь на то, чтобы бросить пару слов девочке помощнице, да в очередной раз развести в стороны сведенные болью колени женщины.

– Неправильно идёт, – ворчала повитуха. – Плохо... Но ты терпи. Даст Бог, пересиличишь... Колени-то не своди! Задохнется дитё-то!

– Я не хочу его! – глухо застонала женщина, роняя кляп на подушку. – Не надо... Нельзя! ... Его отец... Ни за что!

Она сгребла рукой простынь, и на сжатых в кулак пальцах, кровавой искрой полыхнул драгоценный рубин в перстне, который роженица так и не пожелала снять. Тут же, словно привлеченная этим блеском, от стены в глубине комнаты отделилась женская фигура. Кутаясь в меха, она почти упала перед постелью, обхватила обеими руками дрожащий в судороге кулак рожавшей и страстно зашептала:

– Кто же отец, ваше величество? Может, ему следует сообщить?

Ответом ей был протяжный стон.

– Не-е-ет..., – донеслось сквозь сжатые зубы. – Не хочу, не хочу...

Повитуха сердито глянула на женщину в мехах, но не прогнала. А та ещё сильнее навалилась на постель, приближая губы к уху рожавшей.

– Кто же отец, ваше величество?

Внезапно всё стихло. Голова несчастной повернулась, в глазах её появилось осмысленное выражение.

– Кто отец? – настойчиво, но ласково повторила женщина в мехах.

– А ты кто? – тихо и покорно, как не говорила даже на исповеди, спросила роженица.

– Я ваш друг, королева.

Женщина на постели коротко всхлипнула.

– Я не хочу этого ребенка.

– И не надо, – словно боясь что-то спугнуть, прошептала женщина в мехах. – Мы отдадим его отцу... Просто скажите, кто он? Надо убедиться... убедиться, что в его доме ребёнку будет хорошо...

Целое мгновение роженица смотрела куда-то вглубь себя, потом опять застонала, выгнулась дугой и резко опала, уронив подбородок на грудь.

– Эй, эй! – всполошилась повитуха. – Нельзя, нельзя, ваше величество! Сознание не теряйте!

Она кинулась к изголовью кровати, и принялась хлестать тёмными ладонями по белым щекам, почти крича:

– Давай, давай, очухивайся!

Женщина в мехах испуганно отскочила.

– Я не могу больше – прохрипела роженица, с трудом разлепляя почерневшие веки, и в сотый раз повторила: – Я не хочу его...

Повитуха нахмурилась.

– Ежели дитё помрёт в вашей утробе, вам тоже не жить, ваше величество.

Из-под нахмуренных бровей она покосилась на женщину в мехах, потом кивнула девочке-помощнице, и та подстелила на кровать бурый кожаный фартук.

– Уж, как Бог даст, – пробормотала повитуха, – а родить вам надо.

Она обошла вокруг постели, взобралась коленями на её изножье, почти рывком, раздернула ноги обессилившей от боли женщины и тихо бросила в темноту алькова:

– Скоро уже....

Потом велела помощнице:

– Вставь ей кляп – сейчас начнётся, а дитё ножками идет... Орать будет... Да факел поднеси.

И, почти через мгновение, хлопнув по оголенному бедру роженицы, прикрикнула:

– Тужьтесь, ваше величество, тужьтесь! Авось выдюжите!

Подскочила помощница с факелом, и в его пляшущем свете, засверкали жадным любопытством глаза женщины, кутающейся в меха.

Не отрываясь, она следила за происходящим, словно ожидая чего-то большего от того, что должно было произойти. И, когда в руках повитухи появилось блестящее от слизи и крови тельце ребёнка, вся подалась вперед.

– Кто там? Говори!

– Девочка, – буркнула повитуха.

Женщина в мехах бросилась к маленькой двери на чёрную лестницу.

– погоди ты! – остановила её повитуха. – Может не живая...

И завозила с ребёнком.

К роженице, которая потеряла сознание, подошла только девочка-помощница. Опасаясь делать что-либо без приказа, но подчиняясь неопытной жалости, обтерла её лицо выпавшим изо рта полотенцем.

Через мгновение в комнате раздался слабый детский писк.

– Живая, – сообщила повитуха.

Женщина в мехах тут же исчезла за дверью.

Ближе к утру, когда все следы ночных родов были убраны, и королева заснула, так и не пожелав взглянуть на ребенка, к повитухе, хмуро смотревшей сквозь бойницу на серый рассвет, подошла фрейлина, час назад спешно разбуженная женщиной в мехах.

– Это деньги, – сказала она, протягивая увесистый кошель. – И помните – одно лишнее слово погубит всю вашу семью.

Повитуха взвесила кошель в руке, перекинула его помощнице и кивнула.

– Недобрая нынче зима, – сказала она со вздохом. – Земля вся голая... В дороге, да по холоду – боюсь дитё на самом деле не выживет.

Фрейлина пожала плечами, давая понять, что эти заботы их уже не касаются, и повела глазами на дверь.

Повитуха степенно подняла с полу свой узел. Перекрестилась. Потом указала фрейлине на кровать, за опущенным пологом которой спала королева:

– Жар у неё утром случится. Тайные роды всегда нехорошие. Ей бы лекаря какого.

– Ступайте, ступайте, – замахала руками фрейлина. – На все воля Божья. А вам бы сейчас лучше быть подальше. Да поскорее.

Она почти вытолкала повитуху с помощницей через потайную дверь, потом проверила запоры на той двери, что вела в соседние покои и сама подошла к бойнице.

Снега, действительно, не было. И в предраассветной январской серости легко растворилась повозка, увозившая новорожденную девочку. Девочку без имени, про которую утром фрейлина должна сказать её матери-королеве – «умерла»... Грех, конечно. Но она возьмёт его на душу и скажет.

Если только про девочку вообще кто-то спросит.

А в это время, в жарко натопленной и наглухо зашнурованной повозке, средних лет мужчина в грубой сутане францисканского монаха крайне озабоченно всматривался в крошечное личико новорожденной, едва видимое среди простыней и меховых накидок.

– Девочка, – прошептал он удовлетворенно. – Воистину, Провидение на нашей стороне.

И, взглянув на бледную женщину в простом домотканом платье, что сидела напротив, усмехнулся.

– Неплохо, если бы эти роды ещё и мать на тот свет унесли, да?

Женщина тускло улыбнулась.

– Что-то не так, мадам? – спросил мужчина, не слишком сурово, но угроза в его голосе все же прозвучала. – Вас не устраивает ваша роль? Что-то смущает? Если так, лучше скажите теперь, чтобы мадам Иоланда успела найти кого-то другого.

Женщина испуганно замотала головой.

– Нет, нет, что вы! Я выращу этого ребенка! Я слишком многим обязана герцогине. Но.., – она беспомощно развела руками. – Мадам де Монфор сказала, что роды были тяжёлыми, девочка родилась неправильно, очень слабенькая... Что если она не проживет и года?

– На все воля Божья, – философски заметил мужчина. – Её как следует обмыли и осмотрели, кормилица уже дожидается, что еще нужно? Не каждому, родившемуся нормально, так везет, и ничего, выживают. Должна выжить и она, – добавил он с нажимом на слово «должна».

И, помолчав, снова спросил:

– Других причин для вашего угнетённого состояния нет?

Женщина отрицательно качнула головой. Немного подумав, потянулась к девочке и взяла её на руки. Ребёнок завозился в ворохе покрывал.

– Крошка какая, – улыбнулась женщина. – Всегда хотела иметь девочку.

– В таком случае, поздравляю вас, мадам Вутон, сегодня Бог исполнил ваше желание.

– Я должна ее как-то назвать?

– Разумеется. Только назовите как-нибудь попроще.

– Тогда, с вашего позволения, я назову её Жанной...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕПИСКОП

Епископ Лангрский размашисто шагал по Сарагосскому дворцу за сутулым провожатым и недовольно хмурился. Час назад присланный из Франции гонец принес ему дурную новость: сэр Генри Болингброк наконец решился, высадился в Англии, прошел по ней победным маршем, арестовал (о, Боже, арестовал!!!) законного короля Ричарда и фактически силой вынудил его отречься от престола, после чего перед лицом парламентской ассамблеи провозгласил королём себя!

Нет, лично против сэра Генри епископ ничего не имел. В конце концов, граф для Франции не чужой – девять месяцев прожил в стране изгнанником фактически из-за того, что всего лишь был лично неугоден этому идиоту Ричарду! И местная знать, весьма падкая на проявления рыцарского благородства, всегда по достоинству оценивала историю с прерванным поединком¹, считая сэра Генри стороной, безусловно, правой. Поэтому, когда пришло известие о смерти лорда Гонта – всеми уважаемого отца сэра Генри, и о том, что все его земли конфискованы короной, а десятилетнее изгнание сына заменено на пожизненное, по обе стороны пролива нашлось немало желающих предоставить свою помощь в возврате незаконно отнятых прав.

А тут и случай подвернулся. Восстали ирландские короли, и болван Ричард, не слушая уговоры людей здравомыслящих и дальновидных, поехал усмирять их лично! И увяз в этом конфликте по самые уши!

Он вообще последние годы старательно свергал сам себя, приближая к трону людей, мягко говоря, странных, слушая не менее странных фаворитов и, по личному желанию расправляясь с людьми, чья вина была так же сомнительна, как и вина изгнанного Болингброка. А чего стоило одно только дурацкое желание непременно стать императором Священной Римской Империи, или, к примеру, канонизировать этого мужеложца Эдуарда Второго! Глупости и только! И это ещё мягко сказано. Болингброку не пришлось прилагать много усилий, чтобы найти себе сторонников.

Но наследственные земли – это одно, а корона – дело иное! Тут уже права самого сэра Генри вызвали сомнения. И благородный изгнанник, ещё вчера всем понятный и приятный, в одночасье превратился в узурпатора, которому, во избежание конфликтов внутренних, обязательно теперь потребуется конфликт внешний – то есть новая война!

Но с кем?!

Боже милостивый, до чего же глупы бывают, порой, правители земные!

Епископ еле удержал готовый вырваться стон досады.

«Что теперь будет? – думал он. – Что?! С таким трудом добились перемирия в бесконечно вспыхивающей войне, заключили договор о взаимной военной помощи герцогу Бургундскому, выдали за Ричарда дочь французского короля... И, к слову, что теперь будет с ней?!»

Перед мысленным взором епископа промелькнуло детское личико восьмилетней Изабеллы. Такой он видел её три года назад – немного испуганной, храбро скрывающей свой страх,

¹ Генрих Болингброк, герцог Херефорд обвинил Томаса Моубрея, герцога Норфолка в том, что тот замышляет против короны, опасаясь расправы за участие в мятеже лордов-аппелянтов. Настаивая на своём, сэр Генри предложил подтвердить обвинения судебным поединком. На поединок съехалась вся знать. Болингброка приветствовали очень шумно, что вызвало недовольство короля, и без того не очень любившего сэра Генри. Поэтому, прежде чем стал известен итог поединка, король бросил свой жезл и остановил его, тем самым давая понять, что Божественного благословения не достоин никто. В итоге, и Болингброк, и Норфолк отправились в изгнание. Первый на 10 лет, а второй пожизненно.

и очень, очень милой... «Нет, тут волноваться не стоит. Девочку, конечно же, вернут во Францию. Но вот Ричард... Что будет с ним?»

Рука сама собой сотворила крестное знамение.

«Тут и гадать нечего, – мысленно вздохнул епископ. – Свергнутые короли живут недолго!» Можно считать, что Ричард уже умер. Но вот война...

Это епископу Лангрскому было сейчас совсем не нужно.

* * *

Как пятый сын герцога де Бара, епископ Лангрский по традиции готовил себя только к духовной карьере и никем другим, кроме как прелатом, естественно, быть не мог. Хотя чего греха таить: мечталось иногда и о крестовых походах, и о кровавых сражениях с непременным подвигом, за который король обязательно дарует герою собственное герцогство или графство, и обездоленный пятый сын, не имеющий никаких надежд продолжить династию, станет родоначальником династии новой – своей собственной.

Но увы, традиции жестоки и жёстки. Воевать прелату не полагалось – четверо старших братьев на здоровье не жаловались. А когда к смертному одру старого герцога слетелись в полном составе все искатели наследства, молодой Луи де Бар окончательно уяснил, что стать первым в этой толпе можно только с помощью наёмных убийц или яда. Поэтому, оставив в стороне честолюбивые устремления, епископ пораскинул мозгами и нашёл единственно приемлемый путь на широкие просторы династической мечты и реальной власти. Путь хоть и хлопотный и чрезвычайно извилистый, зато безгрешный и надёжный. Путь откровенной купли-продажи, которую для людей родовитых и высокопоставленных давно уже заботливо окрестили политикой.

Благо и в государстве дела складывались так, что без дипломатии на плаву никак не удержишься.

Безумие, поразившее короля Шарля, привело к тому, что в борьбе за власть сцепились между собой его брат – Луи Орлеанский и дядя – Филипп Бургундский. А это в свою очередь раскололо светское общество точно так же, как еще раньше противостояние двух пап – Авиньонского и Римского – раскололо духовенство. И тому, кто научился маневрировать в бурном море церковной политики, море светских страстей было уже не страшно.

Шпионская сеть, давно уже ставшая для высокопоставленных прелатов чем-то вроде обязательного перстня, регулярно доносила обо всех междоусобицах, территориальных конфликтах, необоснованных притязаниях, мелкопоместных ссорах и прочем таком же, что составляло главную ценность любого политика, а именно: подробную и точную информацию.

Оперируя ею достаточно было протянуть руку туда, где особенно густо переплелись интересы сильных мира сего и в самый что ни на есть нужный момент вытащить за хвост мелькающую тут и там удачу. Кому-то она являлась в виде солидной должности, выгодной женитьбы или ловко построенной интриги. Епископ же понимал под удачей покровительство и дружбу влиятельных людей.

Взять, к примеру, одного из знатнейших дворян королевства – Луи Второго Анжуйского. Его отец – брат всемогущего Филиппа Бургундского, первый герцог Анжуйской ветви и второй сын Иоанна Доброго – оставил сыну обширные территории богатейшего герцогства и номинальные титулы короля Сицилии и Неаполя. Покровительство такого человека очень бы пригодились епископу в деле объединения церкви, которым он давно и безуспешно занимался. Но как к такому подступиться?!

Не приносящие особых побед разорительные военные походы, которые Луи Второй, продолжая дело отца, регулярно снаряжал в Италию, отвратили его от дел французского королевства. А турниры, до которых герцог был очень охоч, не входили в сферу деятельности священнослужителя. И останься положение дел таким как есть, епископу пришлось бы искать покровительство в другом месте.

Но тут в дело вмешалась вдовая герцогиня Мари де Блуа! Эта дама нашла способ помочь сыну в его итальянских притязаниях и занялась устройством брака с арагонской принцессой Виолантой, тоже носившей номинальные титулы королевы Неаполя и Сицилии.

И вот это уже была удача! Да ещё с таким пушистым хвостом, что грех не ухватиться, ибо арагонская принцесса приходилась епископу не кем иным, как родной племянницей!

Поёрзав в кресле, азартно потирая руки, он тут же взялся за дело!

Несколько ловко составленных писем, пара задушевных бесед с нужными людьми – и вот уже епископ сидит перед герцогиней в Анжере как человек, в чьей помощи нуждаются.

– Поговорите с моим сыном, – сказала тогда её светлость. – Но я вам уже рада. И, поверьте, в долгу мы не останемся...

Блеск в глазах Луи Анжуйского яснее ясного дал понять, что наживку он тоже оценил.

Письмо, в котором недвусмысленно звучало разрешение начинать сватовство, епископ получил от него так скоро, что в другое время счёл бы подобную спешку даже неприличной. Но сейчас, радуясь, что не ошибся, он складно и ловко надиктовал пышное многословное послание Арагонскому королю и отправил с личным гонцом и с единственным требованием – нигде не задерживаться.

Письмо, перенасыщенное лестью в адрес всех заинтересованных сторон, уведомляющее о скором приезде самого епископа и о его страстном желании повидать «драгоценную племянницу» для того, чтобы предложить ей крайне выгодный и достойный брак!

При этом епископ даже не предполагал, насколько своевременным окажется его приезд в Сарагосу. И, уж конечно, он не мог знать, что где-то в высших сферах, недоступных ничьему пониманию, кто-то уже вложил сватовство герцога Анжуйского к Виоланте Арагонской, как крупницу мозаики, в давно составляемый узор из сложного переплетения судеб и событий, и сватовство это легло там прочно и основательно, как и положено событиям, что дают Истории новый толчок, поворот или новую легенду.

* * *

Провожатый наконец остановился перед портьерой с мавританскими узорами и, почтительно приподняв её, пропустил гостя внутрь.

«Господи, помоги мне! – мысленно вздохнул епископ. – Девица, конечно, перезрела – двадцать лет, а всё не замужем. Но, кто знает, может от таких-то как раз беды и жди. Начнёт сейчас выяснять – каков собой, набожен ли, добродетелен ли... А потом ещё, не приведи Господи, соберётся „подумать“! Вот уж совсем некстати. Время не терпит, мало ли что теперь в Европе начнётся? Надо как можно скорее решить вопрос с этим браком, да возвращаться домой. Дело о созыве Пизанского собора висит на волоске, а голос Луи Анжуйского в решении вопроса о необходимости его созыва дорогого стоит! Порадую его удачным сватовством, и тем вернее он склонит слух к нашим уговорам. Собор изберёт нового папу, а новый папа... – дай, Господи, чтобы им оказался тот, кто нужен! – новый папа вернёт церкви единоначалие! Тогда и о выходке сэра Генри можно сильно не беспокоиться. Голос единой церкви перекроет целый хор королевских выкриков! Но, но...»

Лицо епископа скисло и скривилось. Как всё-таки неприятно зависеть от кого-либо, тем более от перезрелой набожной девицы! Король накануне намекнул на её желание всё-таки уйти в монастырь. Вот была бы глупость!

Караульный за портьерой, заметил недовольство на лице прибывшего важного гостя, и торопливо стукнул об пол алебардой. Тут же, справа от входа, открылась высокая резная дверь, откуда навстречу святому отцу степенно выползла одетая во все чёрное дуэнья со злым лицом. Кивком головы она отпустила провожатого, а на епископа взглянула с откровенной неприязнью.

«Ну вот, начинается, – подумал он. – Не успел прийти – сразу вызвал недовольство. Как бы ещё эти мамки-няньки не вмешались и не уговорили девицу на постриг! Не зря, ох не зря, торопил меня герцог! Как чувствовал...»

На всякий случай он осенил дуэнью небрежным крестным знаменем и протянул руку для поцелуя. Но старуха только взялась за его пальцы своими – холодными и жёсткими, и епископа передернуло от этого прикосновения, как будто по руке пробежал липкими лапами паук.

– Принцесса ждёт вас, – проскрипела дуэнья, поджимая с укором и без того морщинистый рот. – Давно ждёт.

«Дура! – мысленно выругался епископ. – Тут такие дела творятся! Я что – должен был сказать гонцу, который без отдыха скакал от самой границы, мол, подожди, любезный, я сначала схожу посватаюсь, а потом послушаю про дела в Англии?! И без того голова кругом... Опоздал-то всего на полчаса, а старая идиотка уже кривится. Чёрт их подери совсем! Испанские бабы! На уме одни молитвы да свадьбы...»

И епископ в великом раздражении переступил порог.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВИОЛАНТА

Арагонская принцесса Виоланта с раннего детства была воспитана в твёрдом убеждении, что королевская власть дается Всевышним не столько, как право, сколько как тяжелейшая обязанность.

Верная этому убеждению она с ранней юности предпочитала танцам, лютневой игре, вышиванию и прочим девичьим делам чтение книг с описанием царствований славнейших монархов Европы, изучала причины и ход наиболее выдающихся войн и сражений и не краснела от брезгливости, слушая европейские придворные сплетни, которыми развлекали фрейлины её французенку-мать.

Однако ранняя смерть родителей, заставшая её врасплох в тринадцать лет – то есть, в таком возрасте, когда дверь во взрослую жизнь только-только открывается – внесла свои коррективы в королевское воспитание юной Виоланты. Если раньше ещё можно было надеяться на несколько лет безмятежности, то теперь многое пришлось подавить в себе, как низкий престолюдинный бунт. И особенно романтические мечты о любви и прекрасном возлюбленном.

Отныне слабостей принцесса себе позволить не могла.

Отцовский трон занял дядя Мартин, а сама Виоланта стала центром притяжения оппозиции, и начались новые уроки – уроки недоговоренностей, полунамёков и иносказаний, интриг и предательств, которые начисто стёрли из памяти все благородно-поэтические книжные представления о власти и подпирющих её основах.

Реальность была груба. Но девочке, которая давно уже без удовольствия рассматривала себя в зеркале, она вдруг открыла безграничные возможности оказывать влияние на других и добиваться своего одним хорошо организованным, расчётливым умом, не прибегая к помощи ненадёжного очарования. И нерастраченная страстность – дар от испанца-отца – едва не затянула её в воронку политических интриг с головой.

Упиваясь новым, стремительно возрастающим умением перемещать людей, как фигурки в балагане, Виоланта чуть было не зашла слишком далеко. Но в один прекрасный день приправленный изрядной хитрецей французский ум матери воззвал к твёрдым убеждениям, и, на пороге междоусобиц и едва ли не гражданской войны, девушка вдруг одумалась и замерла.

Что дальше?

Просчитать все возможные варианты развития событий особого труда для неё не составило: у обойдённых наследников арсенал средств не так уж и велик. И когда стало ясно, что любой путь, ведущий на трон, обязательно приведёт к рекам крови, юная принцесса деликатно отмежевала себя от оппозиции и стала всё чаще покидать столицу, прикрываясь как щитом набожностью.

Не говоря противникам короля ни «да», ни «нет», и, не вступая в открытые противоречия с дядей, Виоланта с поразительной и немного подозрительной аккуратностью пропадала в окрестностях Сарагосы, где с недавнего времени обосновалась довольно скромная францисканская община. Принцесса оставалась там на длительные богомолья, делала дорогие подношения, стала скромна, немногословна, чем вызвала упорные слухи о скором своём постриге.

Обрадованный король Мартин, поверить не мог, что отделался так легко и счастливо! Уход в монастырь опасной племянницы был настолько кстати, что, желая придать ускорение этому процессу, арагонский король пообещал испросить у римского папы разрешения возвести достойную базилику для скромного монашеского поселения со всеми полагающимися по монастырскому уставу постройками. И даже распорядился составить соответствующее

письмо. Причём велел это не кому-нибудь, а одному из лидеров оппозиции, с наслаждением глядя при этом в его лицо, прокисяющее прямо на глазах.

Подстраховался он и с другой стороны. Французские легкомысленные фрейлины давно покинули двор, и приставленные Мартином к Виоланте, заплесневелые от бесконечного девичества старухи-дуэньи изо дня в день уговаривали принцессу не противиться голосу сердца.

Их уговоры сопровождались смиренными кивками Виоланты. И лицемерные старухи, видя одну только любезную улыбку и не замечая насмешливых искорок, летевших им в спины, доносили – кто королю, а кто и перекупившим их главам оппозиции – что принцесса «внимает».

Как долго все это могло тянуться, представить трудно. Принцесса Виоланта была одинаково убедительна и в том, чтобы принять постриг, и в том, чтобы не принимать его никогда. Но оппозиция, недовольная тем, что наследница ускользает из рук вместе с надеждами на власть, подняла на ноги всю свою шпионскую сеть, и очень скоро слухи об общине, давно уже смутным туманом затянувшие простолюдный Арагон, просочились в слои высокой знати и открыли истинную причину самозабвенного увлечения принцессы.

* * *

Отец Телло – очень старый, слепой приبلудный монах, пришедший неизвестно откуда и попросивший когда-то в общине приюта на одну ночь, неожиданно оказался тем человеком, ради которого Виоланта совершала и свои паломничества, и благодеяния. И которого готова была слушать словно пророка.

Впрочем, он и был пророком.

Незрячие глаза Телло, неизменно устремленные в небо и такие же чистые и глубокие, казалось, вобрали в себя всю жизнь этого старца и смущали любого, кто осмеливался в них заглянуть.

Сначала братья-монахи не хотели его впускать. Чума, гуляющая по Европе, зацепила подолом и окраины Арагона – Бог знает, что мог занести в общину бродячий слепец. Но он сказал, что опасаться следует не чумы, а пожара, который случится ночью, и попросил дозволения поспать хотя бы за оградой крошечных огородов, чтобы в грядущей панике его не затоптали.

Пожар действительно случился, и убогая деревушка, на окраине которой приютились францисканцы, едва не выгорела дотла. Сама же община уцелела только потому, что её глава – человек милосердный и впечатлительный – велел на всякий случай заполнить водой пустые бочки на заднем дворе.

Утром, отыскав слепого пророка среди перепачканной сажей братии, глава общины, заикаясь от праведного негодования, потребовал ответить, почему, зная наверняка о пожаре, старик не пошёл прямо в деревню и не предупредил её жителей? Но в ответ получил кроткую улыбку и простое объяснение: «Кому Господь велит говорить, тому и говорю. Мне ли мешать деяниям Его?»

Так и появился в окрестностях Сарагосы провидец Телло.

Братья-францисканцы оставили его в общине, и старик не стал сопротивляться, как, впрочем, и не удивился. Будто знал, что никуда больше отсюда не уйдёт.

Хотя, может, и знал...

Он пророчествовал много, охотно и всегда верно. Вплоть до того, что если утром советовал кому-то не делать привычных дел в течении дня, а предупреждённый не слушался, то к вечеру послушника обязательно настигало какое-нибудь несчастье, или поражал лёгкий недуг, или просто не получалось то, что он так упорно делал.

Естественно, слава о провидце разнеслась по округе с невероятной быстротой. И не прошло и года, как потянулись к общине первые, жиденькие ручейки уверовавших. А дальше – больше: чем шире разносилась слава, тем многочисленнее становилась дорога, что вела к домику

отца Телло. И ещё через год в этой пешей реке замелькали, как лодки, всадники, которые со временем обрели паруса-гербы, а затем потянулись корабли-кареты...

Провидец не отказывал никому, и, что особенно к нему располагало, большой таинственности на себя не напускал. На все расспросы о своем даре неизменно улыбался и беспечно говорил, намекая на свою слепоту: «Просто меня ничто не отвлекает». Но, когда спрашивали, КАК именно он этот дар осознал, затихал надолго, будто к чему-то прислушивался или вспоминал, а потом устало закрывал глаза: «Научился»...

Именно от отца Телло Виоланта услышала о том, что править в Арагоне она никогда не будет, что будущее её связано с иной страной, более великой. Но в той туманной перспективе невозможно было разобрать, с какой именно. Велика была Англия, велика Франция. Однако слишком тесно сплелись между собой эти, бесконечно воюющие державы. Настолько тесно, что, по словам слепого пророка, в его видении они «перетекают друг в друга, подобно оттенкам одного звука».

– Ты получишь всё, чего будешь желать без сомнений, – говорил отец Телло Виоланте. – Запомни: БЕЗ СОМНЕНИЙ – это очень важно. Я бы сказал это всем, кто ко мне приходит, но далеко не каждый способен, выбрав на перепутье одну дорогу, не сожалеть потом о другой. А ты это можешь. Во всяком случае, всё это заложено в тебе, как в человеке, призванном совершить великое... Ты видишься мне статуей из крепкого камня, и в руках твоих сосуд, а у ног две реки. Из какой реки черпать – решишь ты сама, но другая должна будет для тебя пересохнуть.

Виоланта слушала всё это с тем же вниманием, с которым прежде читала о великих правителях, и не слишком огорчилась потерей арагонской короны. Она давно понимала, что просто так дядя трон не отдаст, а, учитывая жизненные убеждения самой принцессы, в остальном выбор ей оставался небольшой: или замуж, или в монастырь.

Посчитав, что две реки в видении отца Телло – это и есть два пути, предложенные ей Судьбой, юная принцесса, без колебаний выбрала «замуж», ибо священная королевская кровь требовала реализовать уготованную ей миссию.

Оставалось лишь определиться, какой стране отдать предпочтение. Причем – именно стране, поскольку будущий муж не представлял в воображении Виоланты какой-то конкретной личностью. Да и саму себя она не видела как одну только добродетельную супругу и заботливую мать.

Брак должен был подарить ей владения мужа, хозяйкой, властительницей и матерью которых она станет! Чьё процветание поставит главной своей целью! За чьи права и свободы будет бороться с любым посягателем, будь то сосед или король другой державы! Чьё будущее когда-нибудь прославит её за мудрость и рачительность!

Обложившись книгами, Виоланта погрузилась в мир рассуждений, нравоучительных советов, пророчеств и их толкований Иоанна Капистриана, Эрминия Реймского, блаженного Дунса и Беды Достопочтенного, и читала без удержу, сравнивая, взвешивая и перекладывая с одной чаши весов на другую достоинства и недостатки то одной стороны, то другой. Она выбирала будущий дом через схоластику, теологию и ясновидение, уверенная, что только такими тропами приходит к людям Предназначение. И ничуть не сомневалась при этом, что женихи из числа высшей знати отыщутся и там, и там.

И ведь нашла! Высмотрела себе СВОЁ! И знак – один из тех, которые удостоверяют: «да, ты выбрала правильно!», был явлен принцессе незамедлительно.

В тот момент, когда Виоланта, в который уже раз перечитывала «Историю церкви англов» Беды Достопочтенного и морщила лоб, пытаясь постичь смысл пророчества о Лотарингской Деве, пришло письмо от французского родственника с предложением как раз такого брака, который мог её полностью удовлетворить. И король Мартин, очень довольный возможностью сплавить подальше опасную наследницу, не медля ни минуты, велел составить для монсе-

ньора епископа официальное приглашение, где даже без пышных уверений в расположенности и дружбе ясно читалось, что своё королевское согласие он даст.

Теперь оставалось согласиться самой Виоланте.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Епископ переступил порог выбеленной на мавританский манер комнаты, даже не пытаясь снять с лица озабоченное выражение. Пусть племянница спросит, в чём дело?, и он торжественно преподнесет ей английскую новость.

Событие хоть и из ряда вон, но вряд ли при арагонском дворе обо всём этом узнают раньше завтра. В лучшем случае сегодня, ближе к вечеру. Но это уже неважно! Главное – сразу дать понять этой девице, что французская родня крепко держит руку на... как это он слышал недавно... удачное такое выражение? Ах, да! На «политическом биении вен Европы». И если принцесса по каким-то причинам решит заартачиться, начнёт набивать себе цену, то её должно отрезвить то обстоятельство, что собственный брак, хоть и важный – всего лишь эпизод, с которым стыдно нянчиться на фоне таких событий!

Перекрестив страдальчески-суровым взором чёрных, как вороны, придворных дам, епископ поискал глазами и увидел в глубокой оконной нише фигуру принцессы, одетой в жёлто-оранжевое полосатое платье, которое ярким солнечным пятном выделялось в этой непривычной чёрно-белой комнате.

Она листала великолепный часослов, но, увидев вошедшего, без улыбки, пошла навстречу епископу, обняла его по-родственному и, участливо заглядывая в глаза, выговорила на одном дыхании:

– Дорогой дядя, я всё прекрасно понимаю: эти события в Лондоне заставляют вас скорее вернуться ко двору своего короля, поэтому, не медля ни минуты, спешу сообщить о своем согласии стать женой герцога Анжуйского и выразить всего одно пожелание: пусть этот брак принесёт мне не только мужа, но и поддержку во всех начинаниях от тех, кого моя мать считала своей семьей.

Ошарашенный епископ еле успел удержать на лице остатки суровой озабоченности.

Всё как-то сразу пошло не так, и в этом «не так» он ещё не готов был разобраться. Однако следовало что-то отвечать, и епископ, согласно кивая и постоянно потирая лоб, чтобы прикрыть растерянность, печально забормотал:

– Дитя моё, вы поступаете очень разумно... Конечно, жаль, что всё вот так – нескладно и волнительно. Такие дела, что... Не знаешь, чего ждать... Но герцог будет счастлив! Очень счастлив... Поверьте мне, Анжу – прекрасное герцогство, вы полюбите его... Виноградники в Сомюре так хороши, что голова кругом идёт...

На большее фантазии не хватало, и несчастный умолк, размышляя, что бы ещё добавить.

Он готовился совершенно к другому разговору, желал поразить осведомлённостью, политической значимостью, и теперь особенно остро ощущал всю глупость своего положения. Выходило, что перезрелая девица, жеманства которой он так опасался, высказала всё коротко, ясно, по-мужски деловито, и только он один стоит тут теперь и бормочет о каких-то виноградниках!

Но чёрт возьми! Откуда этой принцессе стало известно про английские события так скоро?! За своего гонца епископ готов был поручиться – человек всё-таки на жаловании у его святейшества, а не на казенном. Во Франции все эти королевские посланцы так величественно медлительны, что от них всегда всё узнаёшь последним, однако здесь, кажется, дела обстоят иначе...

Спросить?

Нет, глупо получится. Уж лучше сделать вид, что ничего другого и не ожидал.

– Да, голова кругом, – повторил епископ, убирая руку ото лба. – Простите, дитя моё, я слегка потерян... Милорд Болингброк хоть и не был мне близким другом, но всё же я

неплохо его знал. Дерзости ему всегда было не занимать, но это как-то слишком... А что думает о выходке сэра Генри его величество?

В ответ Виоланта небрежно пожала плечами.

– Его величество, скорей всего, ещё не знает. И если с этим известием вы пойдёте к нему прямо сейчас, он будет очень впечатлён.

Брови епископа удивленно поползли вверх.

– А как же вы?

– А я предпочла дожидаться вас, – ответила Виоланта, по-своему истолковав вопрос дяди. – У меня нет ни нужды, ни желания первой сообщать новости, плохи они, или хороши. Достаточно и того, что я их первая узнаю.

Но поскольку лицо монсеньора все ещё выражало изумление, она с пониманием улыбнулась и коротко добавила:

– У меня свои источники информации.

Епископ Лангрский вдруг вспомнил, как в бытность свою в Авиньоне встречался с приехавшим из Италии епископом Новары Филаргосом. И тот вскользь упомянул о патронаже арагонской принцессой какой-то непростой францисканской общины в окрестностях Сарагосы. Дескать, там нашёл приют некий слепой пророк, и теперь туда идут и идут со всех сторон и верующие, и сведущие... Филаргос ставил тогда общину в пример, как возможный в перспективе способ сбора сведений, учитывая растущий раскол между Римом и Авиньоном... Да и король Мартин, кстати, жаловался – племянница ездит и ездит без конца к какому-то старцу: то ли пророку, то ли шарлатану... А ещё кто-то говорил, что духовник сэра Генри как раз из францисканцев... И если сложить одно с другим...

«Ай да племянница!» – подумалось монсеньору,

Он искоса глянул на воронью стаю придворных дам и мысленно усмехнулся.

«Похоже, его величеству информацию, действительно, доставляют не те источники. И они... мм, несколько устарели... Однако девочка-то какова! Дальновидна! „Нет ни нужды, ни желания...“ Очень, очень похоже на францисканское влияние – гордость нищих, но все-сильных... Как бы в будущем не пришлось делать ставку на герцогиню, а не на герцога. Вот что значит французская порода!»

И вполне искренне, с большим чувством, он произнёс, склоняя голову:

– Нет слов, дорогая племянница, чтобы высказать, как приятно вы меня сегодня удивили. Осмелюсь предположить, что герцог от брака с вами получит много больше того, что ожидает.

– А я? – по-прежнему без улыбки спросила Виоланта. – Хотелось бы знать, дядя, что ожидать от брака мне? Ограниченных обязанностей хозяйки Анжу или...

– Боюсь, ничто не сможет удержать вас от «или», дорогая, – заметил епископ, с облегчением сознавая, что разговор приобретает столь привычный для него деловой характер. – Но мой долг предупредить: французский двор изрядно запутался в безумии короля Шарля и в том раздоре, который вызревает сейчас между его дядями и братом. Если так пойдет дальше, да ещё и сэр Генри снова развяжет войну... О-о-о, – монсеньор обреченно махнул рукой, – уверяю вас, ваше высочество, завяжется такой гордиев узел, на который нового Александра Македонского уже не найдётся.

Виоланта как-то странно улыбнулась.

Выстрелив взглядом в сторону старухи-дуэньи, которая хоть и стояла в отдалении, но даже не пыталась скрыть своего напряжённого внимания, принцесса сделала приглашающий жест к окну.

– Не желаете посмотреть мой часослов, ваша светлость? Пейзаж августа сделан как раз из того окна...

– С большим интересом взгляну.

Епископ еле удержался от того, чтобы тоже не оглянуться на старую каргу, и поспешил за Виолантой в ту самую оконную нишу, где она дожидалась его прихода.

– Не обязательно быть Александром, чтобы разрубить путаницу одним ударом меча, – перекладывая страницы, заговорила принцесса. – В королевстве всегда можно навести порядок, если ничем не пренебрегать. Вы слышали о пророчестве, которое сделал Беда Достопочтенный о Деве, что придет из Лотарингии?

Епископ свел брови к переносице.

– О Деве, которая спасет Францию? – переспросил он и про себя подумал: «К чему это она?» – Да, слышал, но это ошибка – Беда Достопочтенный такого предсказания не делал. Английский монах... Откуда ему знать, что и когда случится в Лотарингии? В лучшем случае он лишь перетолковал старое пророчество Мерлина и, вероятно, имел в виду, Алиенору Аквитанскую как женщину, которая Францию погубит...

– Нет, он подтвердил пророчество именно о Деве, – не поднимая глаз от часослова, со странным упрямством перебила Виоланта.

– Хорошо, – епископ пожал плечами. – Пусть так, если вам хочется. Но, милая моя, я не совсем понимаю, какая может быть связь?!

Принцесса как-то неопределенно качнула головой к плечу.

– Пророчества просто так не произносятся.

– О, Боже... – Лицо епископа почти машинально приняло выражение лёгкой скорби, которое он всегда «надевал», беседуя на темы пустые и бесполезные. – Всё это сказки, ваше высочество. Неужели вы во всё это верите?

– Верю, – строго ответила принцесса. – И оснований верить у меня много больше, чем вы в состоянии представить!

– Но это смешно! – Епископ заволновался, подозревая, что поторопился с выводами о разумности племянницы. – Дева из народа! Господи, откуда же ей там взяться в наше-то время?! Я надеюсь, вы не собираетесь сами вершить чудо Господне и стать чем-то вроде этой Девы?! М-м... как бы это сказать? Выйдя замуж, вы утратите право даже называться таковой...

Он хотел добавить еще что-нибудь вразумляющее, но не успел. Виоланта вдруг расхохоталась, да так заразительно, что лицо епископа поневоле само собой стало расплываться в глуповатой улыбке

– О чём вы, дядя? – сквозь хохот выдавила девушка. – Вот уж не думала, что вы ТАК поймете! Ей-богу, смешно! Теперь мне ясно, почему во Франции все только запутывается.

– Почему же? – старательно скрыл обиженный тон епископ.

Виоланта вдруг оборвала смех и стала совершенно серьезной.

– Потому что никто ни во что не верит.

Она сердито вернула листы часослова на «Январь» с таким видом, словно именно епископ Лангрский был виновен во всем французском неверии и теперь не достоин смотреть на её великолепный август. Но тот лишь покачал головой.

– Надежда на сказки тоже ни к чему хорошему не приведет.

– Не надежда, а вера, – назидательно поправила Виоланта. – И вера без сомнений, иначе сказка так сказкой и останется.

Монсеньор посмотрел на племянницу с откровенной жалостью.

– Вера... Да. В вопросах веры наше общество много потеряло сейчас. Но это всего лишь результат взросления и, увы, горького опыта. А вы принимаете все близко к сердцу, потому что ещё слишком молоды и чисты. Я сам прошёл через подобное и прекрасно понимаю: пророчества, тайные знаки, знамения – это волнует и привлекает лишь до поры. Человек умный, тем более обременённый саном или титулом, быстро понимает, что к чему. А постоянно в них верит только чернь – простолюдины, для которых государственные дела всё равно что балаган на площади: раз так показывают, значит, так и есть. Другого они представить не в состоянии,

да и надо ли им это «другое»? Мы – те, кто стоит за ширмой – вот мы знаем, чем и как латаются мантии. Мы видим изнанку во всей её красе и понимаем: кроме, как в себя, тут больше не во что верить... Так что вы, дорогая моя (уж простите, что показываю свою осведомленность) не кидайтесь с упоением простолюдинки на все те сказки, которыми забивают вашу умную головку братья-францисканцы. Вы благорасположены к ним, я знаю, и это само по себе очень похвально и дальновидно, но будьте умны до конца. Продолжайте покровительствовать и забудьте все эти пророчества о Девах, знамениях и прочей ереси... Это всего лишь способы влияния, не более того. Но не на вас же! Вы ведь хотите иметь влияние собственное?

Виоланта опустила глаза, однако приподнятая бровь явно выражала несогласие и досаду.

– Разве возможно влияние без поддержки? И особенно церкви?

Епископ тяжело выдохнул.

Она задавала вопросы, над которыми и сам он когда-то бился, сокрушаясь об утраченных подвигах. И... да, конечно, поддержка церкви дорогого стоит даже теперь, но... «О, Господи, мне бы её заботы!» В поисках твердой опоры в жизни схватишься, конечно, за что угодно, но разве можно сравнивать его положение и её?! Ей только и надо, что сказать «да», тогда как ему ради этого её «да» столько пришлось потрудиться и сколько ещё придётся ради других «да» от её будущего супруга, а возможно, и от неё же! И, кстати, в чём она желает найти поддержку у Церкви? В признании этой старой сказки про какую-то мифическую Деву? Смешно, ей-богу...

– Церкви самой сейчас требуется поддержка людей влиятельных. Таких, к примеру, как ваш будущий муж, – скосив в сторону глаза, пробормотал епископ. – Полагайтесь на себя, ваше высочество. С годами придет мудрость, и вы многого сможете достичь, если, конечно, не станете надеяться на чудо. Хотя при том положении, которое вас ждет, это совсем несложно, поверьте. А времена чудес... Они и сами давно стали сказкой.

Девушка, все так же не поднимая глаз, задумалась. Холодный декабрьский свет из вытянутого шпилем окна делал тоньше и острее её лицо – по мнению монсеньора не самое красивое в роду де Баров, но приятно одухотворенное – и казалось, что раздумья эти склоняют её принять точку зрения дяди. Во всяком случае, поднятая бровь гладко опустилась.

– Полагайтесь только на себя, – ласково повторил епископ. – Принятое вами решение и наше родство дают мне право быть откровенным, и я скажу, что, положение герцогини Анжуйской избавит вас от необходимости искать поддержку в ком-либо, и даже в церкви. Всё переменится очень быстро – вы получите в руки действительную власть и скорее сами сможете стать поддержкой для всех, кто вас любит и кто... м-м сможет быть полезен в будущем. А там и о всей Франции можно подумать. Только без этих... без Дев из народа.

Серые, совсем не испанские глаза Виоланты сверкнули в лицо епископа быстрой улыбкой.

– Вот видите теперь, как я нуждаюсь в мудром наставлении и в пастыре вроде вас, дорогой дядя! – слишком пылко воскликнула она. – Вы ведь поможете мне на первых порах, правда?

Озадаченный такими подозрительно-быстрыми переменами, епископ, не подумав, неуверенно кивнул:

– Ну-у, конечно...

И осёкся.

Что-то в поведении племянницы его без конца смущало, и неопределенность этого «что-то» заставляла чувствовать себя не так уверенно, как хотелось бы. «Бог знает что она там задумала?» Епископ никогда не давал опрометчивых обещаний и сейчас не собирался, однако, словно под гипнозом, уже было сказано это «конечно», и на всякий случай монсеньор решил добавить:

– Только в разумных пределах, моя дорогая, без чудес, иначе я не гарантирую...

– О-о, я буду очень разумна, вот увидите! – перебила Виоланта. – Очень, очень!!!

И любой, кто слышал её в эту минуту, нисколько не усомнился бы в искренности этих слов. Однако монсеньор Лангрский почему-то почувствовал себя еще глупее, чем в начале разговора.

(Конец августа 1399 года)

Копьё расщепилось на втором ударе и герцог в сердцах откинул его в сторону. «Чёртов оружейник! Вот вернусь, насажу его на это копьё – пусть осознает, каково мне биться его оружием!»

Луи Анжуйский развернул лошадь, всё еще нервную после удара, и потрусил к шатру переживать поражение.

Плохо, что бои на мечях тоже поставили на сегодня. Утром Гектор де Санлиз уже ударил по щиту герцога, но настроение для боя с ним не очень-то подходящее! С этим господином и в лучшие времена не сразу сладишь, тем более теперь, когда дает себя знать старая рана...

Прошлой весной во время боев под Неаполем у герцога надломилась шпора, и, соскакивая с коня, он пробил ступню до самой кости. Рану тогда же и подлатали, но сейчас, с приближением осени, она что-то снова заныла. Утром шёл к лошади – хромал... Потом, правда, расхотелся, но если вдруг в самый разгар боя неудачно наступит, подвернёт ногу, то всё – пиши пропало! Санлиз не из тех, кто отпустит. Обязательно шарахнет по шлему. Испортит дорогую вещь... Да еще отлёживайся потом целый месяц, вместо того, чтобы возвращаться назад в Италию, в самое удобное для похода время!

Подбегавший оруженосец подставил колено, чтобы герцогу удобнее было спешиться, но, пребывая в сильном раздражении, тот спрыгнул сам. И зря. От боли, молнией пробившей тело из больной ноги до самого затылка, он покачнулся, неловко махнул рукой в железной рукавице и задел лошадь, которая тут же взвилась на дыбы. Герцог отступил – и снова на больную ногу!

«Лошадника тоже на копьё насажу», – зачем-то подумал он, хромая к венецианскому креслу, которое специально вынесли из шатра, чтобы его светлости удобнее было наблюдать за турниром.

– Сколько ты отдал за это копьё, мессир? – крикнул сидевший неподалеку Бертран де Динан. – Оно же гнётся, как лоза!

– Не помню, – огрызнулся герцог.

Рухнув в кресло, он растопырил локти, чтобы оруженосец мог снять с него часть доспехов, и, кривясь от боли и раздражения, заворчал:

– Каждый турнирный сезон обходится мне в тысячу золотых салю.

– Ого! – присвистнул Динан.

– А ты думал! При таких расходах терпеть ещё и поражения! А скоро опять на войну... И лекари эти чёртовы три шкуры дерут...

Герцог зашипел, потирая ушибленный бок, который, наконец-то, освободился от железа, и хмуро произнёс:

– На два вчерашних синяка они ухитрились наложить по три повязки и уверяли, что именно столько и надо. А на этот бок все десять наложат! Надоело всё!

Он проводил глазами пажа, который проносил мимо поломанное копьё, сплюнул и выругался.

– Кстати, неплохой был удар, – заметил Динан. – Если так же ударишь по Санлизу мечом, тут будет на что посмотреть.

– Не ударю. – Герцог блаженно вытянул ноги и водрузил их на маленькую скамейку, заботливо поднесённую оруженосцем. – Я вообще подумываю отказаться от этого вызова. Нога разболелась. Если выйду на мечях, обязательно проиграю, а зачем мне такие расходы... Было бы ради чего.

Оба, не сговариваясь, посмотрели в сторону помоста для зрителей.

– Тут я тебя могу понять, – пробормотал Динан, глядя на безвольно поникшего в кресле короля. – Жалкое зрелище, да?

Герцог ничего не ответил, но взгляд, которым он смерил королеву, что-то со смехом шептавшую на ухо Луи Орлеанскому, говорил о многом.

В глазах Динана тоже промелькнула ненависть, только смотрел он не на королеву, а туда, где цепко ухватившись за спинку королевского кресла, стоял Филипп Бургундский. Старый герцог всем своим видом давал понять, что слушает одного лишь герольда, но маленькие глазки под тяжёлыми черепашьими веками, то и дело беспокойно перебегали с короля на герцога Орлеанского и королеву.

– Пожалуй, ты прав, – процедил сквозь зубы Динан. – Санлиз – пёс из Бургундской псарни. Не принимай его вызов. Они сейчас злые.

Между тем на исходные позиции выехали рыцари, вызванные герольдом, и собеседники подались вперёд, не замечая, что к шатру подъехал сильно запыхлённый всадник, явно прибывший издалека. Всадник спешил, бросил поводья оруженосцу герцога и подошел как раз в тот момент, когда прозвучал сигнал к началу боя.

– В чём дело? – с неудовольствием спросил герцог.

Рыцари на ристалище уже прищипорили лошадей, опуская копья, и он не хотел пропустить момент удара.

– Письмо вашей светлости от его преподобия епископа Лангрского, – отрапортовал всадник.

Он подал запечатанную лиловым сургучом бумагу и потихоньку тоже скосил глаза на ристалище.

– Давай.

Герцог, не оборачиваясь, выдернул письмо, дождался, когда граф Арманьякский без особых затей выбьет из седла своего противника, переглянулся с Динаном, отметив, как скисло лицо герцога Бургундского, и только потом сломал печать.

«Дорогой друг, – писал епископ, – спешу сообщить, что Ваши дела в Арагоне счастливым образом уладились.

Всё именно так, как мы и предполагали – Ваша будущая жена оставляет за собой титулярное право именоваться королевой Иерусалима, Неаполя и Сицилии, но с отказом от притязаний на Арагонский трон. Вы же утверждаетесь в законных правах именоваться королем Сицилийским и Неаполитанским, но также обязуетесь не посягать на формальный трон супруги.

Хотелось бы написать несколько слов и о самой принцессе Виоланте.

Даже отбрасывая в сторону родственные симпатии, не могу не признать, что Ваша будущая жена обладает многими достоинствами. Годы не нанесли ущерба её красоте, лишь придали чертам спокойную уверенность. Одевается она без испанской чопорности, увлекается благородными искусствами и сама весьма искусна в вышивке. Но всё это не идёт ни в какое сравнение с теми богатствами характера, которые я нашел в своей племяннице. Она умна, образованна и очень, очень дальновидна! Осмелюсь предположить, что брак с девицей, полагающей основой семейного счастья не любовь, но крепкую уверенность в завтрашнем дне, принесёт Вам, помимо очевидных выгод, еще и удовольствие чувствовать рядом надёжного союзника. В нынешнее смутное время что ещё можно оценить выше?

По предварительной договорённости свадебная церемония состоится не ранее будущего года, о чём заранее скорблю, так как дела нашего авиньонского папы вряд ли позволят мне долгие отлучки теперь... Но, если Вы не будете против, я бы очень рекомендовал пригласить для встречи будущей герцогини Анжуйской Новарского епископа Петроса Филаргоса. Моя племянница питает слабость к монахам францисканского ордена, однако, по молодости лет, считает каждого, подпоясавшегося верёвкой, достойным её внимания и опеки. Отец Филаргос

на первое время может стать для принцессы отличным наставником в науке отделять зерна от плевел. Уверен, он также станет полезен и Вам в Ваших итальянских делах, поскольку пользуется особым расположением герцога Висконти...»

Дальнейшее герцог прочел по диагонали, а уверения в дружбе, которую не сделает сильнее даже грядущее родство, вообще пропустил. Всё это можно будет перечитать и позднее. Сейчас же следовало хорошо подумать.

О Петросе Филаргосе Луи Анжуйский уже слышал и ничего не имел против того, чтобы завязать с ним взаимовыгодное знакомство. Но он никак не мог понять, при чём здесь принцесса Виоланта? Почему монсеньор Лангрский советует завязать знакомство с итальянским епископом не на свадьбе, что было бы естественно, а предлагает начать его со встречи будущей герцогини, где, по обычаю, герцог не должен присутствовать? Что такого важного может быть в поучениях его будущей жены?

«Наверное, дура? – думал герцог, сворачивая письмо. – Его преподобие что-то уж очень усердствует, расписывая племянницу. Умна, дальновидна, а покровительствует всем без разбора „по молодости лет“, и это в двадцать-то! Где ж тут ум?!»

Впрочем, умная жена – достоинство спорное. Зато «спокойная уверенность в чертах» настораживает. Дура, и ладно – это не всегда плохо, но вдруг она ещё и урод?! Вот уж этого не хотелось бы...

Герцог вздохнул и почесал кончик носа.

– Плохие вести? – спросил Динан.

– Нет. Скорее, хорошие.

Луи Анжуйский встал и потянулся, разминая ноющий бок.

– Но схватку с Санлизом придётся отложить до лучших времён. Сейчас надо поберечься. Женюсь.

Динан поднятыми бровями продемонстрировал, что новость произвела на него впечатление.

– На ком же?

Герцог усмехнулся.

– На девице со спокойной уверенностью в чертах, – пробормотал он.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ФРАНЦИЯ

(Декабрь 1400 года).

«Боже, как холодно! – думал монсеньор Петрос Филаргос, приплясывая на снегу и без конца кутаясь в свою епископскую мантию. – Надеюсь, мои муки стоят того, чтобы их терпеть, и епископ Лангрский не заблуждается в своих предположениях».

Он вздохнул, бросил тоскливый взгляд в пустую перспективу дороги, что вела от франко-испанской заставы, и, запахнувшись в очередной раз, всё же потрусил степенной рысью к кострам возле повозок и шатров.

Сегодня арагонская принцесса Виоланта должна была въехать во Францию.

По этому случаю в окрестностях Тулузы собралось весьма представительное общество и был разбит небольшой лагерь.

Сначала, правда, ожидалось, что принцесса прибудет морским путем, прямиком в Нант, что было разумно во всех смыслах – и путь короче, и до Анжера рукой подать. Но официальные переговоры о свадьбе сильно затянулись из-за проблем герцога в южной Италии, которые внесли свои коррективы.

Всю зиму Луи Анжуйский слал гонцов к Ладиславу Великодушному, пытаясь дипломатическим путём утвердиться в правах короля Неаполитанского. Но, как истинный сын своего отца, добился только того, что весной была развязана новая военная кампания, куда герцог и отправился с полным удовольствием, справедливо полагая, что с женитьбой, в принципе, всё уже утряслось, и, как только её высочество надумает ехать в Анжу, он тотчас вернётся.

Со своей стороны, Виоланта тоже не спешила к семейному очагу. Сборы приданого, новый гардероб, достойная свита... Потом пришло известие о скоропостижной кончине отца Теллю... А тут уже и осень, холода, внезапная простуда... Морское путешествие стало представляться слишком опасным из-за чего, в итоге, арагонская сторона сообщила, что встречу следует организовать на франко-испанской границе, куда невеста сможет прибыть не ранее декабря.

Герцог остался крайне доволен таким поворотом дела. К декабрю он и сам собирался отступить на зимние квартиры, поэтому, желая отблагодарить будущую герцогиню за деликатное промедление, на встречу не поспешил.

Уже в начале месяца жители Тулузы могли с интересом наблюдать за богатейшим обозом, тянувшимся через их город к границе. Многие, как паломники, двинулись следом, чтобы собственными глазами увидеть обустройство чудо-лагеря, и, вернувшись, рассказывали обо всём, благоговей от восторга.

Тут, действительно, было на что посмотреть.

Самый большой шатёр – бело-синий, затканый золотыми крестами по белому фону и геральдическими «шишками» по синему, – выделялся не только размерами, но и богатством драпировок и привезённой утвари. Здесь принцесса должна была передохнуть, прежде чем отправляться дальше, поэтому, в знак особого почтения, всё внутреннее убранство было выдержано в жёлто-оранжевых тонах арагонского дома и украшено с той избыточной роскошью, которую многие тщеславные мужчины, желая произвести впечатление, считают необходимой.

Тяжелые кованые сундуки-гардеробы с французскими нарядами для принцессы были привезены в таком количестве, что их хватило бы на целый двор. Только меховыми накидками

и плащами оказались заполнены доверху целых два сундука, чтобы будущая герцогиня могла представлять в новом облике хоть каждый день. Точно так же герцог поступил и с драгоценными украшениями, наполнив ими до отказа большой ларец мавританской работы, при котором неотлучно находились два стражника.

Почти половину шатра занимал огромный дорожный алтарь, также выдержанный в испанском стиле, раскладная кровать, венецианские креслица, так густо обложенные по сиденью подушками, что сесть в них уже не представлялось возможным, да ещё пара столиков с угощениями. Всё остальное пространство устлали ковры.

С самого утра в день приезда принцессы в шатре похлахла жаром небольшая печь и «дышали», подогреваясь теплым вином, придворные дамы будущей герцогини. Им было строго-настрого наказано встретить арагонскую принцессу с тем же почтением, что и королеву, и теперь разомлевшие от тепла дамы со смехом обсуждали, надо ли воспринимать слова герцога буквально или он хотел сказать больше того, что сказал, поскольку нынешнюю королеву Франции мало кто почитал.

За главным шатром полукругом расположились шатры поменьше. И хотя выглядели они скромнее, гербы, выставленные перед входом, могли затмить любые шелка и позолоту.

Да и само общество, переходящее в ожидании от жаровни к жаровне, должно было впечатлить принцессу с первых же минут её пребывания во Франции.

Здесь прогуливались, подмерзая, Пьер Наваррский, граф де Остреван, барон Жан де Линьер со своим старым, но все ещё влиятельным отцом – мессиром Филиппом; будущая свекровь принцессы – величавая Мария де Блуа-Шатильон, дочь правителя Бретани со своей кузиной, дочерью Пьера Благородного, Мари д'Алансон; рыцари дома д'Аркур, де Бар и де Руа. Дочь Беррийского герцога Бонна Прекрасная, опирающаяся на руку своего мужа графа Арманьякского, всё ещё хмурого после неудачного и крайне разорительного похода на Авиньон. Присутствовал даже посланник кастильского короля Энрике Транстамарского. Но этот, впрочем, ждал не столько принцессу, сколько своего кузена, едущего в её свите с какими-то важными семейными документами, однако герб кастильского монарха, выставленный среди прочих, вполне достойно дополнил общую картину.

Чего, кстати, нельзя было сказать о самом посланнике. Бедняга так замёрз, что, наплевав на все условности, большую часть времени проводил за шатрами, где плотной стеной стояли возки, кареты и подводы, на которых привезли всю утварь, и где устроили бивуаки рыцари из свиты, лучники и оруженосцы. Они разложили огромные костры, возле которых и грелись на зависть всем остальным. И несчастный посланник готов был зарыться прямо в горящие дрова, настолько он промёрз...

Епископ Филаргос обозревал всё это пышное великолепие и невольно усмехался про себя.

Как бывший воспитанник францисканцев, он всё ещё неодобрительно относился к роскоши. Но положение обязывает, и, потирая руки над жаровней, епископ нет-нет да и поглядывал с тайным удовольствием на огромный сапфир, который пришлось надеть поверх бархатной перчатки.

Пришлось...

Этот перстень, за версту бросающийся в глаза, служил опознавательным знаком, по которому принцесса должна была сразу, без представления, отличить Филаргоса от тех священников, которые представляли дома де Руа и д'Айе. И хотя сам он считал, что греческая внешность достаточно его выделяет, всё же епископ Лангрский настоял именно на перстне.

Что ж, пусть будет, решил для себя Филаргос. Из-за раскола между Римом и Авиньоном переписка епископов относительно встречи принцессы на французской земле велась почти тайно. Такой же тайной, но по другим причинам, она могла быть у французского епи-

скопа и с племянницей. Что поделать, любая политика дело очень тонкое, особенно семейная. Она, в отличие от политики официальной, оперирует нюансами, на первый взгляд, не всегда понятными. Сплошные намеки, иносказания, недомолвки... Скорей всего, перстень являлся не столько опознавательным, сколько условным знаком, которым монсеньор Лангрский что-то давал знать арагонской принцессе. А вот что именно, Филаргос счёл за благо не выяснять. И вообще решил не слишком демонстрировать свою догадливость и не спорить из-за пустяков. Пока он им нужен, всё, что делается, делается на пользу и ему. Лишь бы только и принцесса не обманула ожиданий. Пусть хоть десятая часть того, что писал о ней монсеньор Лангрский, окажется правдой, и тогда Новарский епископ признает любые дипломатические уловки правомерными, а также признает и то, что не зря мёрз на этой пограничной дороге.

Наконец, между деревьями полупрозрачной рощицы, что скрывала заставу, замелькали жёлто-оранжевые камзолы копьеносцев, затрубили сигнальные фанфары, и замерзающий в ожидании лагерь пришёл в движение. Свита побежала на свои места, из главного шатра, поправляя наряды, выбрались дамы, и даже несчастный кастильский посланник, закрыв оледеневший нос меховым шарфом, оторвался, наконец, от костра и заковылял к остальной знати, проклиная железные доспехи, положенные ему по кастильскому дипломатическому уставу.

На дороге появились первые всадники.

Ехавший во главе отряда, держал в руке флаг, в уменьшенном виде копирующий королевский штандарт – напоминание о том, что титул королевы Арагона всего лишь номинальный. Следовавшие за ним двенадцать пажей тащили на огромных носилках позолоченные статуи святого Евлогия Кордовского, Ламберта Сарагосского и святой Лукреции; за ними двигалась подвода с приданным принцессы, и следом восемь конюших вели в поводу великолепных скакунов – подарок принцессы будущему супругу.

Отдельным строем поезд сопровождал отряд французских рыцарей во главе с герцогом ди Клермоном. По протоколу они представляли Луи Анжуйского и все без исключения довольно высокомерно поглядывали на отряд арагонских дворян, одетых слишком скромно и чопорно по мнению французских щёголей.

Замыкали шествие крытая повозка с фрейлинами принцессы и огромная, переваливающаяся по дорожным рытвинам зимняя карета, со всех сторон увешанная гербами королевств Сицилии, Неаполя и Арагона.

От кареты валил пар, из трубы на крыше веял легкий дымок, и все встречающие, ёжась и кутаясь, невольно позавидовали принцессе, которой сейчас явно было и тепло и уютно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из окна своей натопленной кареты Виоланта осмотрела собравшееся общество, дождалась, когда откроют дверцу и, прежде чем выйти, погрузила руки в большую муфту. – Улыбнитесь им, ваше высочество! – прошипела дуэнья, сидевшая напротив. – Вы должны с первой минуты произвести хорошее впечатление!

Виоланта окинула её холодным взглядом. Стоило ли отвечать? Старуха отсюда поедет обратно и о ней будет забыто навсегда. А тем, кто сейчас ожидает выхода будущей французской герцогини, она ещё успеет улыбнуться, чуть позже, когда поговорит с Филаргосом и определится, кому эта улыбка нужна, кому – не очень, а кто её вообще не достоин. Францисканцы не зря учили Виоланту не лицемерить без нужды. «Сладкие улыбки и фальшивые речи оставьте для непригодных глупцов, – говорили они. – Не пытайтесь понравиться всем сразу. Лучше, при встрече с нужными людьми, старайтесь, чтобы никто ничего про вас сразу не понял. Заинтересуйте этой непонятностью, присматривайтесь и молчите о своём интересе до тех пор, пока люди не выскажутся о себе сами и самым исчерпывающим образом! Так вы вернее определитесь – нужны ли они вам на самом деле и, заодно, получите информацию, с помощью которой будете ими впоследствии управлять». Умная Виоланта легко усваивала такие уроки, поэтому вышла из кареты даже не пытаясь придать лицу какое-то определённое выражение. Она просто вышла, пробежала взглядом по лицам встречающих и поклонилась. Но поклонилась так, что всем сразу стало ясно – в их лице арагонская принцесса кланяется Франции, как своему новому дому.

Филаргос уже устал одной и той же рукой поправлять то шапку, то ворот мантии. С того момента, как принцесса вышла из кареты, он только этим и занимался. Да ещё тем, что не сводил взгляда с её лица. Но Виоланта все представления и приветствия слушала, глядя исключительно на говоривших с ней, и ни единого взора не бросила в сторону сверкающего епископского перстня. Даже когда представляли самого епископа, получилось так, что она уронила на снег меховую муфту, в которой отогревала руки. Ди Клермон и стоявший с другой стороны д'Айе, бросились эту муфту поднимать, из-за чего создалась некоторая сумятица, и епископу пришлось отступить, оставив принцессу без крестного знамения и традиционной подачи руки для поцелуя. Больше поводов оказаться рядом у него не было. Оставалось только досмотреть до конца церемонию представления и насладиться тем, как величаво удалилась её высочество в свой шатёр!

Филаргосу такое начало совсем не понравилось. Раздражаясь всё больше, он уже мысленно составлял епископу Лангрскому гневное послание, как вдруг увидел, что к нему спешит герцог ди Клермон, только что в некотором смятии выскочивший из шатра Виоланты.

– Ваше преподобие! – горестно запричитал он ещё издалека. – Прошу вас! Духовник её высочества в дороге заболел... Она скорбит, что вынуждена пересечь границу Франции без исповеди и отпущения грехов, а каяться в прошлых грехах перед французом... ну, вы понимаете...

Едва удержавшись от «наконец-то!», епископ степенно кивнул и, дыша на озябшие руки, двинулся за герцогом к шатру. Все, кто находился внутри, были тотчас выдворены, у входа поставлена охрана, и епископ смог наконец благословить духовную дочь крестным знамением под блеск своего сапфира.

– Давайте сразу к делу, ваше преподобие, – произнесла Виоланта, указывая Филаргосу на стул и сама усаживаясь напротив.

Всё ещё полагая, что речь идёт об исповеди, епископ потянулся к святым дарам, но принцесса его удержала.

– Не надо. Моя совесть абсолютно чиста, и сама я со дня последней исповеди не успела пока нагрешить. Лучше сядьте и расскажите всё, что вы знаете про людей, которые меня встречают, и про вот этих, кстати, тоже.

Деловито порывшись в недрах злополучной муфты, принцесса извлекла мелко сложенную бумагу и протянула её Филаргосу.

– Это полный список всех, приглашённых на свадьбу, – пояснила она. – Я получила его от монсеньера епископа Лангрского. Если хотите, начнём с него. Вы ведь знаете, что меня интересует?

Немного ошарашенный таким напором Филаргос кивнул, как под гипнозом.

– Конечно, ваше высочество.

– Тогда приступайте. Я не хочу с первых минут прослыть здесь грешницей, которой для исповеди требуется полдня. Епископ послушно взял бумагу и забегал глазами по строчкам.

– Так, так... Ле Менгр, де Рье, де Шампань – два маршала и коннетабль... Личности, конечно, заметные, но нейтральные. Вы зря потратите время на них... Та-ак, Жан де Монтегю, великий управляющий двора... Берёт взятки, не марайтесь. Если возникнет нужда пристроить кого-либо, лучше действуйте в обход, через подставных лиц, иначе, он обязательно припомнит вам оказанную услугу... Мессир Карл, ваш будущий деверь... Нет, слишком молод и слаб здоровьем. Относитесь к нему, как к родственнику, не более. А вот с герцогиней де Блуа, вашей будущей свекровью, очень советую подружиться. Эта дама, живёт политикой, равно как и чужими страстями и очень в них сведуща, а такая информация людям заинтересованным в любых мелочах может дать немало. Мадам многому научит вас, дорогая. Лучшего проводника по лабиринтам придворных связей вам не найти... Так, дальше. Филипп де Жиресм, Великий шталмейстер... Этот, несомненно, будет без ума от ваших скакунов, но большего не ждите – того ума только на лошадей и хватает. – Епископ вздохнул и прибавил чуть тише: – Увы, безумный король на фоне людей разумных казался бы ещё безумнее. Все закономерно, и большую половину французского двора составляют люди..., как бы это сказать помягче? Не самые мудрые, пожалуй... Зато, вот вам человек, ко двору пока не самый близкий, но, при случае, крайне полезный – Жак д'Аркур. Разумен, храбр, служит капитаном при Филиппе Бургундском, однако, не очень хорош с молодым мессиром Жаном, имейте это в виду, в будущем может пригодиться – заполучить служаку, верного как пёс, дорогого стоит... Его брат женат на Мари д'Алансон, которая очень кстати приходится кузиной её светлости де Блуа. Дама тепло принята при дворе и давно стала неисчерпаемым источником дворцовых сплетен и альковных историй...

Епископ, с опаской, покосился на принцессу – не оскорбилась ли её девственность такой вольной фразой в устах священнослужителя, но Виоланта, похоже, ничего не заметила. Нахмутив брови, она сосредоточенно «переваривала» информацию.

– Кстати, попросите её научить вас новой игре, которая при французском дворе стала более чем популярна, – продолжил Филаргос. – Раскрашенные картинки – короли, дамы, валеты... Их называют «карты», и уже поговаривают, что это игра политиков, хотя придумали её всего лишь для развлечения несчастного короля Шарля.

Виоланта откинулась в кресле и, сцепив пальцы, о чём-то задумалась, а епископ, отметив про себя азарт, промелькнувший во взгляде принцессы, подумал, что её дядюшка, пожалуй, прав – эта девица за прялкой сидеть не станет. И вряд ли ей так уж нужны те мелкие характеристики, которые он даёт на каждого, упомянутого в списке. Похоже, будущей герцогине требуется четко разделить поле деятельности на чёрные и белые квадраты, а уж фигуры она и сама потом расставит...

– Дитя моё, – зажурчал сладким голосом епископ, сворачивая листок и расплываясь отеческой улыбкой, – чтобы наша исповедь действительно не затянулась, давайте не будем разбирать всех поименно. Положение при французском дворе таково, что всем волей-неволей при-

ходится выбирать между Орлеанским и Бургундским домами. Личности, стоящие особняком, как, например, ваш будущий супруг, крайне редки. Скорее нас должны интересовать союзы и кланы. Сейчас в силе Орлеанский дом, и любой француз посоветовал бы вам делать ставку на них. Но я итальянец. Я смотрю со стороны, откуда перспективы заметнее. Луи Орлеанский слишком любит себя. Он молод и, простите за прямоту, глуп. Потакание собственным страстям наказуемо даже в ребёнке, а уж для брата короля совсем недопустимо! Помяните моё слово – сейчас он в силе только потому, что главный его противник – герцог Филипп – стар и болен. Но, как только герцогом Бургундским станет молодой мессир Жан, многие, очень многие повернутся в его сторону. И тогда приверженцам Орлеанского дома придется туго. Мессир Жан засиделся на цепи. Власть, которую его отец делил с герцогом Бретонским и Луи Орлеанским, понадобится ему вся, целиком. Ради этого он ни перед чем не остановится...

Виоланта слушала молча, и трудно было по её лицу определить направление мыслей, однако епископ особенно и не старался. Он разделил доску на белое и чёрное а дальше решать принцессе. Хотя, на пару полезных фигур можно было бы и указать.

– Единственный, кого я выделю, как вероятного противника для мессира Жана, это граф Арманьякский. Его вы сегодня уже видели. Умный человек, прямой, хотя тоже ни перед чем не остановится. И будет тем злее, чем меньше прав будет иметь. Управлять им вряд ли возможно, но граф обладает редким свойством, которое даст ему несомненное преимущество: он умеет дальновидно подбирать людей. Недавно при его содействии ко двору герцога Орлеанского были приближены два молодца из семейства дю Шастель – Гийом и Танги... Кстати, присмотритесь и к ним, когда представится возможность. Служат честно, но без фанатизма и с полным пониманием. По нынешним временам вещь полезная, а братья дю Шастель, в этом смысле, особенно хороши. Я немного знаком с их семейством и готов поручиться. Их бы во времена короля Артура... Хотя, кто знает. Подобные люди в любые времена положение завоёвывают не на охоте и не в альковах...

Филаргос ожидал какой-нибудь отповеди на свое последнее замечание, но Виоланта лишь вскинула на него внимательные глаза и кивнула, как прилежная ученица. Ободренный таким послушанием, епископ поднялся, подошел к печи и, опустив в неё листок с именами, немного подержал руки над огнем.

– И вот ещё что, – прибавил он неторопливо. – Не сбрасывайте со счетов королеву. Будь она добродетельна, её в расчёт можно было бы и не брать. Но распутство, простите меня за такую откровенность, скрывает под собой глубокий омут, в котором тонет любая высокая цель. Многие в Европе недооценивают мадам Изабо, считая её всего лишь легкомысленной, но я уверен – она себя ещё проявит. И к этому надо быть готовым...

Филаргос помолчал, обдумывая собственные слова – всё ли сказал? Да и верно ли? И снова, не дождавшись никакой реакции со стороны принцессы, вернулся на место.

– А церковь? – вдруг спросила Виоланта.

Епископ замер. Наступал момент, который он считал очень важным для себя. Теперь надо было с величайшей осторожностью подбирать слова, чтобы не «пережать», но и не остаться ни с чем.

– Церковь переживает не лучшие времена, как вам известно, – вздохнул он, разводя руками. – Увы, два папы – это всегда плохо, а выбор нового, единственного, крайне затруднен. Его святейшество Бенедикт, конечно, предпочтителен для многих из нас, и я ужасно огорчился, когда узнал, что он готов отречься от Авиньонского престола, лишь бы церковь вновь обрела единство. Но беда в том, что римский папа Бонифаций компромиссов не признает, от своего престола не отступится и раскол церкви его не волнует. Что поделать – старость не всегда дарит мудрость дошедшему до нее. И теперь, когда отречения Бенедикта стали требовать, едва ли не силой, трещина между Римом и Авиньоном расширилась и углубилась. Его святейшество выдерживает в своём дворце настоящую осаду и, фактически, отстранён от дел.

– Я слышала, это очень роскошный дворец, – заметила Виоланта.

Филаргос незаметно перевернул перстень на руке камнем внутрь.

– Ну что вы, крепость, как крепость, – пробормотал он. – Хотя – да, конечно, бывают ошибки... Многие, к сожалению, полагают, что для полного отрицания роскоши надо сначала понять её суть. Я не сторонник такого образа мыслей, однако мнение существует, и глаза на него не закроешь. Но должен вам сказать, что слухи о нас, священнослужителях, по большей части, вымышлены. Вот вам ещё одна беда нынешней церкви – оговор. Рим клеветает на Авиньон, Авиньон на Рим... Два папы – это всегда плохо...

Епископ с досадой оборвал сам себя – зачем повторился?! Повторы говорят о нехватке аргументов, а нехватка аргументов – о слабой позиции...

Впрочем, позиции у него действительно слабоваты, иначе, сидел бы он здесь! Но тем, от кого ждёшь помощи, слабость всё равно показывать нельзя.

– Я вижу только один выход, – заговорил Филаргос, как можно бодрее, – созыв Пизанского собора, который объявит святейший престол вакантным и выберет нового папу.

– И вы думаете Рим подчинится решению собора?

– Не мне судить. Здесь очень помогла бы поддержка людей, мнение которых имеет вес во всех европейских делах. Мой покровитель, герцог Висконти, в этом смысле высоко ценит вашего будущего супруга, а епископ Лангрский считает, что Европа скоро заговорит и о герцогине Анжуйской.

Тут снова последовал осторожный взгляд на лицо Виоланты – понравится ли ей такая неприкрытая лесть? Но принцесса сидела, опустив глаза, как будто ничто из сказанного её не касалось.

– Избрание единственного папы принесёт благо всем, – продолжил монсеньор. – Объединившееся духовенство укрепит Церковь и вернёт ей власть, достаточную для наведения порядка в Европе.

– Вы хотите сказать, что новый папа прекратит войну с Англией? – удивлённо вскинула брови Виоланта. Епископ запнулся. Его глаза забегали по убранству шатра, словно в поисках ответа. Сам он не знал, что отвечать. С одной стороны, принцесса могла задать свой вопрос просто так, ничего не имея в виду, и тогда Филаргосу придётся признать, что она не так умна, как показалась вначале: ведь ясно же – без конца вспыхивающую войну может остановить только чудо. Но, с другой стороны, вопрос мог бы стать неплохим аргументом для созыва Пизанского собора, и кто знает, может, Виоланта хочет услышать приемлемое объяснение.

– Ну-у, не думаю, что это возможно так уж скоро, – осторожно начал епископ, – однако, согласитесь, ваше высочество, чем больше единства, тем это лучше для решения любого вопроса.

– Значит, чудо вы отрицаете?

Филаргос часто заморгал, не понимая, о чём речь.

– Чудо? Какое чудо?

– Явление Спасителя. Или Спасительницы. Вы же знаете о пророчествах?

«Господи, какие пророчества?». На епископа было жалко смотреть. «Или я что-то не понял, или упустил, или... О Боже, она глупа! И я напрасно здесь распинался, – подумал он. – Хотя нет – не похоже... Может, это их с епископом Лангрским какие-то дела, и она меня просто проверяет... Но, ради всего святого, что за странный способ?!»

Растягивая время, чтобы обдумать ответ, Филаргос степенно откинулся на спинку стула и медленно сцепил пальцы на руках, как это недавно делала сама принцесса.

– Чудо явления Спасителя, или, если угодно, Спасительницы происходит от Бога. А кто служит Богу вернее, чем Церковь?

– Ну и...? – Виоланта явно ждала продолжения.

«Чёрт возьми, чего она хочет? – разозлился епископ. – Может, спросить напрямую?»

– Ваше высочество, что вы хотите услышать? – поинтересовался он со сладкой улыбкой.

– Только одно: явись миру такая Спасительница – что сделает Церковь? Признает её за посланницу Божию, или распнёт, как еретичку?

Филаргос мысленно выдохнул и вдруг вспомнил о письме монсеньора Лангрского. «Моя племянница, – говорилось там, – имеет опасную склонность ко всяким предсказаниям и мистическим знамениям. Постарайтесь со своей стороны убедить её в недостойности подобных увлечений и укажите иной путь для приложения своих способностей».

«Только то!» – поразился епископ. – Да ради Бога, почему и не признать, раз ей так хочется это услышать. Но всё же она глупа, если на самом деле верит во все эти предсказания о чудесных явлениях».

– Ваше высочество, – торжественно объявил он, – как только Церковь станет едина, ничто не помешает ей узреть чудо Явления, а новый папа, как верный слуга Господа нашего, всегда признает нового Спасителя. Или Спасительницу!

Виоланта наклонила голову. Со странной улыбкой она смотрела на Филаргоса, как оценщик, который прикидывает, пригодна или непригодна вещь для заклада, и вдруг спросила:

– Как скоро вы намерены принять кардинальский сан?

У Филаргоса перехватило дыхание. «Ох нет, она умна! Очень умна! Умнее многих!» – лихорадочно пронеслось в его голове. То, как Виоланта смотрела, позволяло предположить, что вопрос был задан не из праздного любопытства. Если Пизанский собор созовут, папу на нём смогут избрать только из числа кардиналов, и в сане епископа Филаргос оставался хотя и первейшим, но всего лишь человеком, которому новый папа будет обязан своим рукоположением. Однако, кто ж не знает о том, как коротка память у сильных мира сего – вчера был благодарен, сегодня равнодушен, а завтра? Иное дело самому в кардинальской шапке, да ещё при поддержке светской знати стать в ряды соискателей папской тиары!

Но нет, нет – об этом пока нельзя! Главное, не пережить. Смирение, и только смирение! В глазах этой принцессы оно лишь украсит будущего папу...

– На все воля Божья, – тихо пробормотал Филаргос, опуская глаза.

– И поддержка тех, чье мнение в Европе чего-то стоит, не так ли? – добавила Виоланта. – Аминь.

Принцесса встала, давая понять, что беседу пора заканчивать.

Встал и епископ. «Забавно, а дядюшка-то, похоже, толком ничего не понял, – подумал он, – К чему бы её высочество склонности ни питала, не мне менять её путь, потому что она его уже ОПРЕДЕЛИЛА. И, как кажется, все эти предсказания лишь поверхностная рябь на том омуте, что скрывает в душе эта девица. Ах, знать бы, что действительно у неё на уме! Воистину, добродетель лишь обратная сторона распутства, и этот омут такой же глубокий и тёмный. Может, стоит ради опыта бросить туда камешек и посмотреть, что за круги разойдутся?».

Епископ степенно пошёл к выходу из шатра, но на пороге, словно спохватившись, остановился.

– Ах, да, – сказал он, как бы в забывчивости потирая лоб рукой, – я знаю, что в Сарагосе вы держали патронаж над францисканской общиной. В Анжу у вас тоже будет прекрасная возможность возобновить свое благородное покровительство. Недалеко от Сомюра есть аббатство Фонтевро. Обратите на него внимание. Возможно, там найдётся много интересного и о предсказаниях разного рода. Оттуда, кстати, рукой подать до владений Карла Лотарингского. Его предок Готфрид Бульонский познал в крестовых походах много тайн и, вернувшись, основал некий орден... Я это говорю для того, чтобы вы знали: все тайны францисканцев лишь отголосок тех тайн.

Епископ произнёс это, как бы между прочим, но за лицом Виоланты наблюдал с большим интересом. Принцесса вежливо улыбалась.

– У вас чудесный перстень, святой отец, – вымолвила она на прощание. – Камень чистый, как небесные помыслы. Мой дядя не ошибся, рекомендуя вас в советчики. А про себя подумала: «Ловко. И мою наживку заглотил, не поперхнулся, и свою мне подбросил. Но, дорогой монсеньор Филаргос, здесь мне и без ваших подсказок всё давно уже интересно...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Исповедь явно затягивалась.

Подмёрзшее общество уже успело рассмотреть приданое будущей герцогини и расспросить герцога ди Клермон обо всём более-менее интересном, что он мог узнать, сопровождая принцессу от самой Сарагоссы, где представлял Анжу на обряде формального бракосочетания. Потом все снова столпились у жаровен.

От костров за повозками веяло запахом жареного мяса и подогретого вина. Там готовился обед, которого все жаждали, но, судя по голосам, раздававшимся оттуда всё громче и развязней, кое-кто из челяди уже успел неплохо отобедать. Вскоре вместе с запахами стали долетать и шутки по поводу затянувшейся исповеди, в которых на разные лады перемалывалась брошенная кем-то фраза о том, что во Франции стало на одну королеву-грешницу больше.

Герцог ди Клермон с неодобрением поглядывал в сторону разгулявшихся слуг и совсем уж было собрался пойти и сделать внушение, когда полог сине-белого шатра откинулся, выпуская епископа.

Лицо Филаргоса светилось умилением, руки были молитвенно сложены и, закатив глаза, монсеньор, вроде бы сам себе, но так, чтобы слышали и остальные, произнёс:

– Чище души я не встречал!

Герцог почтительно замер. А когда из шатра вышла Виоланта, снял шляпу, поклонился и с явным облегчением пригласил общество к столу, радуясь окончанию скучных церемоний.

Все отметили про себя, что принцесса тоже как-то преобразилась. Теперь она улыбалась. И улыбалась очень приветливо. На приглашение к столу ответила без ожидаемой чопорности, вина себе велела налить в драгоценный золотой кубок, «чтобы подчеркнуть радость от первой трапезы на земле Франции», после чего, пошутив пару раз весьма уместно и тактично, задала пиршеству легкий непринуждённый тон – вполне во французском духе.

В итоге обедали шумно и весело и, особенно, потому, что ничего подобного не ожидали.

Даже арагонская свита недолго выдерживала церемониал. И как только их тела отогрелись, а умы «подогрелись», приезжие рыцари охотно поддались общему настрою. Лишь несколько дам арагонского двора маялись в стороне под присмотром старухи-дуэньи. Кто-то читал молитвенник, кто-то перебирал чётки, косо поглядывая на пирующих, но никакого ответного набожного рвения их вид ни в ком не вызвал. Только Филаргос, устыдившись на мгновение, благословил бедняжек с тем особенным усердием, которое появляется у людей, ослеплённых надеждой. Но потом тоже весьма резво поспешил к столу.

Виоланта была любезна и очаровательна.

Герцогиням де Блуа, д'Алансон и Прекрасной Бонне предложила дальше ехать в её нагретой карете. Мессину д'Аркур, который и сам не понял, как сумел опрокинуть её золотой кубок, тут же его и подарила, а в конце обеда, воспользовавшись всеобщей сытостью и расслабленностью, незаметно поднесла Филаргосу дивной красоты рубиновый перстень.

– Думаю, он будет не хуже вашего сапфира.

«И под цвет будущей мантии», – дрожа от радости, подумал епископ.

Он был готов утирать слёзы умиления, глядя на то, как граф Арманиянский, вопреки своей обычной надменности, что-то увлечённо рассказывает принцессе. Причем, увлекся граф настолько, что когда наконец тронулись в путь, верхом догнал карету Виоланты и поехал рядом, не обращая внимания на холод и начавшийся снег.

Долгие переезды с места на место не были такой уж редкостью в те смутные времена. Короли, королевы, принцы, герцоги, дворяне помельче, но достаточно зажиточные, чтобы позволить себе переезд, не сидели подолгу в одном и том же замке, а кочевали не хуже цыган.

В путешествие отправлялись со всем скарбом, двором и с мебелью, снаряжая такое бесчисленное количество повозок, что первая уже подъезжала к месту назначения, а последняя только тянулась из ворот покинутого замка.

Потому кортеж принцессы Арагонской привлекал внимание не столько самим фактом своего передвижения по стране, сколько роскошью и представительностью.

В каждом городе, ко всякому постоялому двору, где общество останавливалось для отдыха, сбегались десятки зевак. Разинув рты, они рассматривали гербы, в которых далеко не все что-то понимали, но зато все могли оценить обилие золота на повозках, и драгоценных мехов и тканей на приехавших.

После разорительных военных налогов и недавней чумы, великолепие обоза рождало в людях не столько зависть, сколько изумление – неужели ещё возможно так жить?! Часами стояли они и наблюдали за этими мимолётно навестившими их небожителями, не замечая, что так же подолгу из окна отведённой ей комнаты наблюдает за ними приезжая принцесса...

Уже в Тулузе поезд догнал выздоровевший духовник Виоланты. Это был францисканский монах по имени отец Мигель. Одевался он – как и положено – в коричневую сутану, подпоясанную веревкой. Плечи и голову покрывал грубым коричневым плащом с капюшоном, и только на ногах, по случаю холодов, красовались меховые сапожки, имевшие, впрочем, весьма потёртый вид.

На недавно болевшего отец Мигель похож был мало, благодаря круглому веселому лицу со свежим румянцем. Но герцог ди Клермон посоветовал всем лишних вопросов о монахе не задавать и, вообще, меньше задумываться на его счёт.

– Он – то ли провидец, то ли колдун, – доверительно шепнул герцог её светлости де Блуа. – Порой такие вещи говорит – волосы на голове дыбом встают! Когда ехали через Кастилию, случай был: утром седлаем лошадей, а он идет мимо и говорит Жану, моему оруженосцу: «Увидишь волка, не гонись за ним». И дальше себе пошёл. Мы, естественно, ничего не поняли, а Жан предположил, что монах просто плохо говорит по-французски и сказать хотел что-то другое. Но днём, около полудня, смотрим – наперерез волк бежит. Мы все, конечно же, вдогонку, и Жан из нас – самым первым. А волк оказался хитер, вывел к реке и по льду припустил! Берег там узкий, из-за деревьев сразу не увидишь что к чему, вот Жан и вылетел с наскока. Лед пробил! Хоть и не глубоко, но вспомнил предсказание, испугался, поводья дернул – конь назад рванул, да под ветки! И Жан лицом напоролся на острый сук! Хорошо, глаз целый остался, но щеку так распорол, что шить пришлось...

Герцогиня Мари испуганно охнула, а Клермон, желая произвести ещё большее впечатление, добавил:

– Я вам больше скажу, мадам! Когда этот Мигель рассказывал нам про Мерлина, то, ей-Богу, казалось будто он сам с ним за одним столом и пил, и ел!

Герцогиня от всего сказанного была в ужасе, а, значит, и в полном восторге. И, поскольку Клермон рассказал ей всё сугубо приватно, уже через сутки в кортеже не осталось ни дамы, ни распоследней служанки, которая бы не узнала под большим секретом от другой дамы или служанки, что духовник арагонской принцессы видит любое прошлое, как свое собственное, а будущее читает, как раскрытую книгу, и дар свой получил прямо от великого Мерлина.

Первое время все опасливо косились в сторону монаха, ожидая от него страшных пророчеств. Но отец Мигель дружелюбно улыбался всем подряд и ничем своих способностей не выдавал. А если брался что-то рассказывать, то только старые байки о крестовых походах, да и те – слышанные-переслышанные через десятки руки.

Неудовлетворённое любопытство так и клубилось вокруг заскучавшего в долгой дороге общества. Пересудов о том, что рассказал герцог ди Клермон, хватило на пару дней, и все жаждали новых впечатлений, буквально изнывая от их отсутствия. Но увы – никакого разно-

образия отец Мигель не внёс, и дальше всё было так же, как в любой другой поездке. Даже дамы, ехавшие в одной карете с Виолантой, ничего не смогли разузнать ни об отце Мигеле, ни о его даре. На все вопросы «кто?», «что?», «почему?» и «откуда?» принцесса отвечала крайне односложно, или просто пожимала плечами, полагая, видимо, что всё объяснила одно фразой: «Отец Мигель мой духовник».

Наверное, дамы, привыкшие к более пространным беседам, сочли бы себя уязвлёнными, не реши они между собой чуть раньше, что принцесса Арагонская – дама хоть и приятная, но, с точки зрения французской столицы, пока не настолько светская, чтобы блистать лёгкостью общения.

И действительно, за всё время пути Виоланта предпочитала помалкивать. Она не задавала никаких вопросов, а с наивным, совершенно детским вниманием слушала то, что дамы считали нужным ей сообщать. Искренне удивлялась всему, чему следовало удивиться, ахала и охала в нужных местах, а если собеседницы смущенно умолкали, затронув какую-то деликатную тему, не лезла к ним с просьбами продолжить или уточнить, что именно они имели в виду.

Естественно, большую часть времени занимали разговоры о турнирах и празднествах.

Бонна Беррийская – большая любительница развлечений – могла без усталости сравнивать увеселения прошлых лет, какими они были до безумия короля Шарля, с теми, какими стали теперь. Ей были памятны победы всех рыцарей, а также имена дам, в честь которых эти победы одерживались. Если же вдохновительницей побед бывала она сама, мадам Бонна небрежно, но очень красиво взмахивала рукой, подкатывала глаза и томно вздыхала.

Однако, какую бы интересную историю ни рассказывали в этой «дамской» карете, стоило мадам де Блуа открыть рот, чтобы вставить слово о своем сыне, как все внимание принцессы целиком и полностью переключалось на будущую свекровь.

Она вообще, на любое упоминание о Луи Анжуйском реагировала так, словно ехала заключать брак не по политическим расчётам, а по страстной и давней любви. Французские дамы и это отнесли за счёт провинциальности принцессы, но грехом не посчитали. Всё-таки она воспитывалась не при французском дворе, где добродетельное почитание мужей давно вышло из моды. И, в конце концов, что ей сейчас ещё остается?...

Наконец, наступил последний день утомительного путешествия.

Накануне в Анжер отправили гонцов, и рано утром, как только пересекли Луару, все постарались принарядиться соответственно моменту. Погода, как по заказу, выдалась солнечной и теплой, что только усилило радостное возбуждение.

Уже стали видны замковые ворота и полосатые башни Анжера с реявшими над ними стягами Анжу и Арагона, уже серая толпа сбежавшихся из окрестных селений вассалов начала разделяться на фигуры и лица, всё стало уже совсем-совсем близким, как вдруг принцесса велела кортежу остановиться и потребовала коня.

– Я желаю въехать в Анжер верхом и в окружении рыцарей, присланных за мной в Сарагосу, – сообщила она ди Клермону, который с озабоченным лицом подъехал узнать, в чём собственно дело.

Коня немедленно подвели. И пока его обряжали в жёлто-оранжевую попону с гербами Арагона, Сицилии и Неаполя, придворные дамы, ничего пока не понимая, испуганно перешептывались: уж не придётся ли и им забираться в седла? Но герцог, проходя мимо, чтобы отдать распоряжения свите, успокоил:

– Не волнуйтесь, дамы, ваши места, как всегда, на трибунах. А вот мы... Честное слово, едем к герцогу почти военным строем!

И поспешил дальше, к своим рыцарям.

– Не понимаю, зачем она это делает? – пожала плечами Мари д'Алансон, наблюдая за сборами. – Дорога раскисла, грязная... Платье наверняка испачкается! В таком виде и в первый раз перед мужчиной... Я бы не рискнула.

– Я бы тоже, – согласно закивала Бонна Беррийская.

А герцогиня де Блуа промолчала.

«Не так уж и глупо, – подумала она, глядя через окно кареты на то, как ладно сидит в седле Виоланта. – Пожалуй, дама, забрызгавшая платье таким образом, произведёт на моего сына самое благоприятное впечатление.»

– Мы поторопились с выводами, – сказала она, когда кареты тронулись. – Вот увидите эта арагонская принцесса окажется не так проста, как показалась нам сначала. Она напоминает мне меня же, и, поверьте, очень скоро и мой сын, и всё здесь станет её собственностью безраздельно.

– Вы шутите, мадам? – удивлённо приподняла брови Мари д'Алансон.

– Ничуть. И я этому рада. Анжуйским мужчинам умные жёны нужны, как воздух.

Между тем, кортеж двигался к Анжеру, еле поспевая за группой конных рыцарей, окруживших Виоланту. Герцог ди Клермон вырвался вперёд и, размахивая шляпой, первым подскочил к разукрашенному помосту, на котором, под бело-синим балдахином, уже стоял в картинной позе Луи Анжуйский со всем своим двором.

– Ваша светлость! – крикнул ди Клермон, – Я привёз вашу невесту! Поприветствуйте её! Вы счастливейший из смертных!

«Она что, едет верхом? – удивился герцог, рассмотрев среди рыцарей женскую фигуру. – Это довольно странно! Однако, посадка недурна, да и фигура, кажется, тоже. Вот, если бы ещё и не урод...»

Он тоже снял шляпу, но из-за яркого солнца никак не мог рассмотреть лица принцессы.

«Нет, вроде не урод... Ах, чёрт, как мешают эти флаги, и это солнце... И рыцари эти... Окружили – ничего не увидишь! Но не дура, нет. Дуры так не приезжают...»

С улыбкой, более искренней, чем сам от себя ожидал, герцог Анжуйский сошёл с помоста, помог невесте спешиться и легко прикоснулся губами к её губам.

«Совсем, совсем не урод! Я бы даже сказал – очень недурна... И слава Богу!»

– Не утомила ли вас дорога, сударыня? – любезно спросил он.

Виоланта, раздумываясь после проезда верхом, действительно выглядела очень привлекательной. Не отпуская руки герцога, на которую опиралась, она слегка сжала её и, улыбаясь так, как улыбаются только счастливые женщины, ответила:

– Я любовалась Францией, ваша светлость, разве это может утомить? И, если бы не встреча с вами, желала бы продлить путешествие и дальше.

«Не дура и не урод, – заключил герцог. – И я – король Сицилии. Все сложилось просто прекрасно!»

Ему вдруг захотелось сказать что-то очень хорошее. Не любезное, не такое, что обычно следует говорить, а нечто особенное, чтобы сразу стало ясно – он ей действительно рад.

– Моя дорогая, – приосанившись, начал герцог, – отныне главной моей заботой станут только ваши удовольствия. Клянусь, на первом же турнире, я раскрою шлем самому сильному противнику исключительно в вашу честь!

Виоланта улыбнулась ещё шире. Но в её переполненном благодарностью взгляде вдруг промелькнуло странное выражение – то ли жалость, то ли скука...

«Но не урод – и слава Богу», – подумала принцесса.

В тот же день всем было объявлено, что после бракосочетания супруга герцога желает именоваться на французский манер, и отныне называть её следует – мадам Иоланда Арагонская, герцогиня Анжу.

АНЖУ (1400 – 1407)

Герцогиня де Блуа не ошиблась: очень скоро Луи Анжуйский действительно готов был забыть обо всём на свете, и даже о своих любимых военных забавах на юге Италии.

Утром после первой брачной ночи, горделиво подождав, когда слуги растянут перед придворными простыни с кровавым следом, герцог Луи оповестил всех, что супруга его «совершенная прелесть». Утомленный, но довольный облик герцога значительно подкреплял эти слова, изумляя собравшихся. Все знали, что плотских утех его светлость никогда не чуждался, но, не имея времени и особенного желания для галантных ухаживаний за светскими дамами, предпочитал развлекаться с маркитантками своего войска, не капризными пастушками из окрестностей Анжера, да с заезжими шутихами из балаганов. Мадам же новая герцогиня, мало того что в девках засиделась, так ещё и воспитана, скорей всего, была на постах и молитвах. Кто мог ждать от подобного союза иных радостей, кроме тех, которые давал один только расчёт? И вот – надо же...

При анжуйском дворе долго гадали, чем и как эта принцесса-монашка смогла так порадовать их герцога, пока не пришли к выводу, что новое – всегда интересно, и раз его светлости понравилось, то дай Бог, чтобы продлилось это как можно дольше и не кончилось уже через месяц.

Однако, не кончилось.

С восторгом абсолютно детским следил герцог за действиями супруги, ловко и очень толково занявшейся ведением его дел. И в конце концов тоже пришёл к собственному выводу, что брак по расчёту, несущий в своей основе заранее оговоренные выгоды, может принести и совершенно неожиданные удовольствия.

Так прошёл целый год. И, хотя Господь не послал герцогской чете никакого потомства, никто при дворе не сомневался в том, что герцог регулярно посещает покои жены, и делает это не только из чувства обязанности... Многие, правда, считали, что мадам Иоланда на людях с супругом несколько холодна. Но знатоки, постигшие тонкости любовной науки, уверяли, что «в этом-то всё и дело...».

Одним словом, в чём бы там дело ни было, а герцог Анжуйский обрёл в браке счастье и совершенно этого не скрывал.

Да, супруга его не была изысканно хороша собой, зато мила, а самое главное, необычайно умна и хозяйственна. За последующие три года она не только преобразила родовые замки герцога – Анжер и Сомюр, построив и усовершенствовав их очень толково, но и завела новые, крайне полезные связи при дворе.

На рыцарских турнирах которые в ту пору были ещё часты, и которые Луи Анжуйский предпочитал не пропускать, мадам Иоланде оставляли место рядом с королевской четой, где она сидела между Валентиной Орлеанской и Маргаритой Бургундской, являя всем нейтральную благорасположенность к обеим.

Узнав от мадам Маргариты о пристрастиях её мужа – всесильного Филиппа Бургундского, раздобыла где-то старинный, украшенный превосходными гравюрами, манускрипт о подвигах сира Роланда и, дождавшись повода, поднесла его герцогу Филиппу в подарок. Нельзя сказать, чтобы Луи Анжуйский пришёл в восторг от этого её поступка – Бургундца он всегда недолюбливал – но, с некоторых пор, ко всем действиям жены его светлость относился с каким-то изумленным почтением. К тому же подарок оказался так хорош, что мадам Иоланду любезно пригласили в Дижон, где хранилась большая часть книжных сокровищ Бургундии и где, после знакомства с древними рукописями, герцогине был представлен давний воспитанник и верный союзник герцога Филиппа – Карл Лотарингский.

Теперь уже мало кому приходило в голову считать Иоланду Анжуйскую женщиной не самого большого ума. Несмотря на крепнущее положение при французском дворе, она с удивительным чутьём и тактом умела отступать в тень, как только затевались обычные интриги, возвышающие сегодняшних фаворитов-однодневок и низвергающие вчерашних. И епископ Лангрский с большим удовлетворением писал в Милан своему другу Филаргосу: «Дела моей племянницы отменно хороши. При дворе, где она принята с должным почтением, вряд ли найдётся кто-либо другой, умеющий так умно подняться надо всем этим переплетением страстей и ненависти. Королева к ней благоволит, герцог Филипп приглашает осмотреть свои коллекции, и наши ученые авиньонские кардиналы находят много разумного в её речах. Я же с особой радостью отмечаю, что племянница моя совершенно избавилась от губительных страстей ко всякого рода предсказаниям и прочим еретическим сказкам. Она также завела полезные для нашего дела знакомства. Покровительство, которое Анжуйская чета нам оказывает, воистину неоценимо! Поговаривают, что с её светлостью имел продолжительную беседу герцог Лотарингский, давний Ваш неприятель. По слухам, после беседы он выглядел крайне изумлённым и даже... – только умоляю Вас не обижаться, друг мой! – преданный мне человек слышал, как его светлость произнёс что-то вроде: «Коли так, пусть сажают своего Филаргоса хоть на кол...». Из чего я заключил, что не сегодня-завтра смогу одним из первых поздравить Вас с кардинальской шапкой...».

Епископ ничуть не лукавил. Светские дела и хозяйственные заботы в Анжу мадам Иоланда успевала сочетать и с устройством Пизанского собора, и с продвижением кандидатуры Петроса Филаргоса в кандидаты на папский престол. При этом она не забывала и о продолжении самообразования. Только теперь интересы её, действительно, приобрели иную направленность.

История и великие правления были уже достаточно изучены. Остались в прошлом и туманные пророчества о судьбах стран и отдельных личностей, а интерес её светлости переориентировался на более высокую ступень познания.

Тайные учения, опыт общения с духами и потусторонними мирами, алхимия, как средство получения материальных субстанций, изменяющих дух, и прочие подобные знания окружили герцогиню плотным кольцом откровений, из которых она придирчиво отбирала самое необходимое.

Благо и недостатка в интересующем её материале не было. Из Аль-Мудайка – королевского дворца арагонских королей на Майорке – ей, помимо романтических поэм францисканца Раймонда Луллия, переслали и его философские трактаты, включая сюда знаменитую «Книгу влюблённых и возлюбленных». Здесь мадам Иоланда нашла много интересных и полезных мыслей об истине, принимающей разные личины, и о борьбе противоположностей, составляющей основу мирового устройства.

Зачитывалась герцогиня и сочинениями Франциска Асизского – основателя францисканского братства, и трактатами его самого верного последователя – монаха Фратичелли, особенно интересуясь рассуждениями последнего о природе стигматов, полученных святым Франциском от шестикрылого серафима. Немало ценного почерпнула она, читая записи откровений Иоахима Флорского о трёх эпохах мировой истории, согласующихся со святой Троицей. И выводы, которые мадам Иоланда сделала, беседуя как-то с духовником герцога Бургундского, стяжали ей славу «женщины неординарного ума».

К тому же, всеми правдами и неправдами, духовник самой герцогини доставал откуда-то полные, не кастрированные официальными церковными властями, издания «Изумрудных скрижалей» Гермеса Трисмегиста, теорию «слов силы» каббалиста Абулафия и даже приблизительные описания устройств волшебного зеркала доктора Мирабилиса и говорящего андроида, созданного Альбертом Великим.

Изучая собранные рукописи, мадам Иоланда готовилась к чему-то, что понимал, видимо, только отец Мигель, потому что при нём одним могла она себе позволить странные восклицания, вроде часто повторяемого: «Да, теперь и это я смогу обосновать!», или: «Отличный довод! Пусть попробуют опровергнуть!»

Луи Анжуйский на учёные забавы жены смотрел сквозь пальцы. А вернее было бы сказать – не замечал их совсем. Стоило его светлости появиться в поле зрения герцогини, как все книги моментально закрывались, свитки скатывались, и мадам охотно переключалась на обсуждение новых доспехов к предстоящему турниру, или выслушивала рассказы герцога о советах, которые он дал каменщикам, укрепляющим северную башню Анжера.

Однажды на турнире в Париже, устроенном в честь прибытия нового германского посла, герцог Анжуйский, сражаясь на мечах с мессиром дю Шастель, так разошёлся, что едва не раскроил тому голову. Несчастного капитана унесли оруженосцы, а герцог, поддев мечом, в качестве трофея, искорёженный шлем противника, отправился к своему шатру.

Нельзя сказать, чтобы он слишком мучился угрызениями совести – турнир есть турнир, мало ли что на них случается. Тем более, что это была уже третья славная победа, и, похоже, в этом сезоне равного герцогу по бою на мечах уже не будет. Хорошо бы и завтра показать себя так же удачно в джостре², а всё остальное он готов уступить кому угодно другому.

Герцог отбросил в угол шатра шлем побеждённого дю Шастеля, стянул с намокшей от пота головы свой собственный, неторопливо переоделся и, отослав слуг, кликнул виночерпия.

Каково же было его удивление, когда вместо Себастьяна, обычно прислуживавшего на турнирах, вино принёс один из оруженосцев.

– Себастьяна мадам герцогиня отправила к мессирю дю Шастель, – пояснил оруженосец, наливая герцогу вино. – Велела справиться о здоровье капитана, да поднести ему флягу Сомюрского красного. А ещё она велела спросить – не соблаговолите ли вы сами навестить шатёр мессира дю Шастель?

Луи Анжуйский буркнул в ответ что-то неразборчивое, залпом осушил кубок и, отослав оруженосца, задумался.

Заподозрить супругу в интересе любовного толка ему даже в голову не пришло – мадам Иоланда для этого слишком разумна. Но что такого важного мог представлять собой этот дю Шастель, раз герцогине вздумалось переживать из-за его здоровья?

И сам Танги, и его брат Гийом – всего лишь дворяне на службе у герцога Орлеанского. Да – храбры, честны и благородны, но таких и при Анжуйском дворе хоть пруд пруди. Неужели супруга строит на них какой-то расчёт в отношении Орлеанского дома? Странно... Слишком мелковаты эти дворянчики для крупных дел.

Хотя... Дела жены всегда так загадочны и так мудрено запутаны, что в них каждая мелочь чему-то да годна. Вмешиваться в них, не разобравшись? Нет! Пожалуй, лучшее, что его светлость может сделать – это помочь. Да и при дворе не худо благородством блеснуть...

Герцог вздохнул. Покосился на новый, ещё ни разу не использованный шлем, который собирался надеть завтра на поединок с Монлюсоном. «Что ж, – подумал он, – вещь, конечно, дорогая... Пожалуй, даже слишком дорогая для мессира дю Шастель. Но я, в конце концов, герцог Анжуйский, и мое благородство цены не имеет! Сам, разумеется, в его шатёр не пойду, но шлем отправлю. И, раз уж её светлости так нужен этот капитан, думаю, она будет довольна. Король не расплатился бы щедрее...».

² Рыцарский поединок на копьях

Тем же вечером, когда Гийом дю Шастель наведлся в лекарский шатёр, где приходили в себя раненные на турнире рыцари, он был немало поражен. Лёжа на походной кровати с перевязанной до самых глаз головой, его брат Танги изумленно рассматривал роскошный, невероятной дорогой шлем, стоящий перед ним на специальной болванке, которые обычно можно увидеть в лучших оружейных.

– Однако... – Гийом обошёл вокруг шлема, оценивая не столько красоту отделки, сколько прочность и удобство. – Если это плата герцога Анжуйского за разбитую голову, то, ей-богу, Танги, твоя голова того не стоит. Какая сталь! Какая работа! У нас такую не делают. Как думаешь – германская или итальянская?

– Испанская, – медленно выговорил Танги.

– Да? – Гийом с сомнением поднял брови. – Тебе виднее, конечно... Но подарок хорош! Не ожидал от его светлости. Не служи я у герцога Орлеанского, поехал бы проситься на службу в Анжу. Если там так залечивают раны – эта служба как раз по мне.

Он ещё раз обошел шлем и, поскольку брат задумчиво помалкивал, отхлебнул вина из бутылки, стоящей в изголовье походной кровати.

– А вы тут неплохо живёте, – Гийом радостно осмотрел бутылку, – и вино отменное! Откуда такое?

– Из Сомюра, – ответил Танги. – Подарок её светлости мадам Иоланды.

– Ого! Семейство решило тебя обласкавать? – Гийом присел к брату на край постели и понизил голос. – Что происходит, Танги, откуда такое внимание?

– Не знаю...

Танги дю Шастель покосился на остальных раненных. Сегодня днём, когда принесли сначала вино, а потом шлем, кое-кто из них усмехаясь заметил, что капитану очень повезло с герцогской женитьбой. Дескать, такая щедрость Луи Анжуйскому не свойственна, но с тех пор, как появилась герцогиня, в Анжере всё стало с ног на голову.

– Ты должен чем-то ответить, – развел руками Гийом. – Брат ты мне или не брат, но, повторяю, твоя голова таких подношений не стоит.

– А я и отвечу!

Танги дю Шастель осмотрел свои поношенные доспехи, лежавшие прямо на земле, далеко не новую одежду на брате и устало прикрыл глаза.

– Отвечу бесконечной преданностью, Гийом. Больше у меня всё равно ничего нет.

* * *

В благодатном 1403 году брак между герцогом Анжуйским и мадам Иоландой Арагонской был вознаграждён появлением первенца. Без особых затей его назвали Луи, и жизнь герцогской четы основательно переменилась.

Уж и так всю беременность мадам Иоланда провела в Анжере, полностью оградив себя от поездок, волнений и всяких случайностей, которые могли привести к потере ребёнка. Но когда спустя полгода после рождения Луи выяснилось, что герцогиня снова в тягости, Луи Анжуйскому пришлось столкнуться с новой, ещё не раскрытой чертой её характера.

– Вам следует возобновить притязания на Неаполитанский трон, мой друг, – заявила мадам Иоланда, сразу после крестин новорожденной девочки, которую нарекли Мари. – Если Господу будет угодно даровать нам ещё сыновей, мы не должны волноваться за их будущее.

– О, мадам, – беспечно отмахнулся Луи Анжуйский, – наш сын и так, по праву рождения, может претендовать на Неаполитанский трон!

– Он должен не претендовать на него, а иметь, – отрезала герцогиня.

Но тут же добавила мягче:

– И вы можете ни о чём не волноваться здесь, мой дорогой. Со всеми делами я управлюсь сама.

Вот уж тут его светлости возразить было нечего. В чём в чём, а в делах хозяйственных его супругу мало кто мог превзойти. Она прекрасно обходилась без показной роскоши, до которой герцог когда-то был так охоч, но и не скупилась – всё только самое лучшее. В итоге Анжуйский двор, и без того крепкий, благодаря стараниям недавно почившей герцогини де Блуа, стал едва ли не самым изысканным и богатым двором Франции. Настолько богатым, что и новый военный поход можно себе позволить.

Так что пришлось герцогу встряхнуться и, сбросив счастливую расслабленность последних лет, снова начать собираться в Италию.

Звуки боевой трубы и вид собранного войска вернули ему прежнее состояние настоящего – не турнирного – азарта. Мерно покачиваясь в седле, Луи Анжуйский слышал за спиной перезвон уздечек, лязг оружия, тяжёлый скрип обозных телег и, молодея душой, в который уже раз подумал про жену, что она умница.

А сама мадам Иоланда, наводнив оба своих замка мастерскими и оставив их на попечение расторопного секретаря, с головой погрузилась в свои странные дела.

– Пока в королевстве царит относительный покой, я должна хорошо подготовиться, – говорила она отцу Мигелю. – При этом короле здесь не будет порядка. Поверь мне, двор я достаточно узнала, так что пусть лучше его величество не поправляется вовсе. Не то, просветлев умом, увидит, не дай Господи, что из себя представляет его окружение, и натворит что-нибудь действительно безумное. А у нас дети. Им нужно спокойное королевство и уверенная жизнь...

Да, на нехватку наследников в герцогстве Анжуйском жаловаться уже не приходилось.

Распалившийся как встарь, герцог лишь ненадолго вернулся домой, чтобы залечить душевные раны от очередного поражения, но этого вполне хватило для новой беременности герцогини.

К сожалению, роды не были удачными, и Луи Анжуйскому снова пришлось возвращаться, только теперь ради душевных ран супруги, что и привело к появлению на свет, в январе 1408 года, ещё одного мальчика, которого нарекли Рене.

До самого дня крестин расстроенный предыдущей смертью герцог велел окружить младенца такой заботой, какой не окружали, наверное, даже дофина Франции.

– Мой муж безумно боится заразы, – объясняла мадам Иоланда герцогине д'Алансон, когда та приехала на крестины внучатого племянника, но не смогла пройти дальше порога детской. – Недавняя чума в Ле-Мане заставляет его осторожничать сверх меры. Если так будет продолжаться и дальше, то на крестинах он велит огородить купель курильницами, а всех слуг заставит вымыться в подогретой воде и натереться морским камнем.

Мадам Мари рассмеялась. Она с удовольствием смотрела на слегка располневшую после родов герцогиню и невольно вспоминала первую встречу с невзрачной арагонской принцессой, которую они с Бонной Беррийской – смешно теперь подумать – сочли женщиной не самого большого ума.

– Что нового при дворе? – поинтересовалась мадам Иоланда.

Она ещё не до конца оправилась, поэтому всё время проводила в жарко натопленной спальне, куда кроме мужа допускались только её служанка, духовник и секретарь. Да ещё для герцогини д'Алансон было сделано исключение, никого, впрочем, не удивившее.

Отношения между обеими женщинами быстро укрепились до дружеских и крайне доверительных. Пожалуй, кроме герцогини Мари, никто больше не мог похвастать такими обширными познаниями об истинных причинах поездок герцогини Анжуйской ко двору, и о всей той работе, которую она там предельвала. Только парижские ювелиры могли наверное дополнить

общую картину размерами тех сумм, которые мадам Иоланда тратила на всевозможные украшения. Но и они очень бы удивились, обнаружив львиную долю своих изделий не на герцогине, а на фрейлинах королевы. И тут тоже только для герцогини д'Алансон всё было яснее ясного, поскольку она сама помогала мадам Иоланде советами, тасуя придворных дам, словно колоду карт, и раскладывая их на самых ловких, самых удобных, самых полезных и самых ненужных.

Таким образом, за последние пару-тройку лет, состав фрейлин королевы заметно изменился. Мадемуазели Исуар, де Невер, Корбиньи, Лева, де Ватан, Шательро, де Вьерзон и старшая фрейлина – мадам де Монфор... Королева Изабо и сама уже не вспомнила бы, с чего вдруг решила уволить одних и взять к себе на службу именно этих. Кого-то, кажется, посоветовал герцог Орлеанский, кого-то – Филипп Бургундский... или епископ Льежский? А, может, и Великий Шталмейстер двора?.. Какая, впрочем, разница, если девицы оказались милы, застенчивы и предупредительны. Когда нужно, они крепко держали язык за зубами, а когда не нужно, распускали его до полного бесстыдства!

Хотя о том, что происходило в постелях её фрейлин, королеве знать было незачем. Достаточно и того, что добродетельная герцогиня Анжуйская в каждый свой приезд очень ловко управлялась этими постелями, через посредников изгоняя оттуда одних – уже не нужных – и подкладывая других, для чего-то на сей момент надобных. В итоге уже через год по коридорам Лувра ходили, весьма довольные: личный секретарь короля, его же врач, Великий сокольничий двора, Великий шталмейстер и многие другие, кто тоже поразил бы парижских ювелиров обилием драгоценных безделушек, сделанных ими когда-то для герцогини Анжуйской.

– При дворе? – переспросила мадам Мари. – Что может быть нового при дворе? Королю стало лучше, и королева снова беременна. Луи Орлеанский был почти безутешен после кончины мадемуазель д'Энгиен, но теперь успокоился...

– Она умерла? – удивленно вскинула брови герцогиня.

– Увы, да.

– Отчего же? Не помню, чтобы она болела.

Герцогиня Мари еле заметно улыбнулась.

– Говорят, что отравили, но мне не верится. Кому могла помешать эта мадемуазель?

Женщины переглянулись, понимая друг друга без слов, и мадам Иоланда бросила презрительный взгляд на серебряное настольное распятие, присланное ей королевой по случаю рождения сына.

– А что стало с ребёнком? – спросила она. – Кажется, у мадемуазель д'Энгиен был сын от его светлости?

– Да, маленький Жан. Валентина Орлеанская уже взяла на себя его воспитание. Всё-таки, герцога нельзя упрекнуть в том, что он бросает своих бастардов на произвол судьбы. Этого, во всяком случае, не бросил, хотя, говорят, мадам Валентина была ему совсем не рада.

– Бедный ребёнок, – вздохнула герцогиня. – Надеюсь, хотя бы отец его любит.

Мадам Мари пожала плечами.

– Я тоже на это надеюсь. Но с тех пор, как умер старый герцог Филипп, мессире Луи на любовь времени совсем не осталось. Воюет на всех фронтах. Впрочем, об этом вам должно быть известно лучше меня, верно?

– Да, – кивнула мадам Иоланда. – Нам даже пришлось отложить очередную Итальянскую кампанию после его выходки в Париже.

Обе дамы имели в виду недавние события, когда вражда между Жаном Бургундским и Луи Орлеанским достигла своего апогея, затянув в эту бесконечно вращающуюся воронку ненависти всю значимую часть высшего дворянства Франции

Похоронив четыре года назад сдержанного и мудрого герцога Филиппа, его сын Жан, как и ожидалось, сорвался с цепи, словно голодный пёс. По наследству он принял опеку над коро-

левскими детьми, из-за чего недавно, завершив в Бургундии разбор отцовских дел, приехал наконец в Париж, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей опекуна. Сторонники подготовили молодому герцогу торжественную встречу, но брат короля – герцог Орлеанский – в тот же день демонстративно покинул столицу вместе с королевой и дофином. Пришлось Бургундцу, не слезая с коня, проехать весь город из конца в конец и мчаться вдогонку, чтобы воспользоваться своими правами и вернуть дофина обратно!

В той стычке брату короля пришлось отступить. Но потом, без промедления, Луи Орлеанский принялся собирать армию, чтобы освободить «узурпированный Париж и коварно захваченных безумного короля с дофином».

В ответ герцог Жан созвал армию свою. А, поскольку закон был всё же на его стороне, незамедлительно примчался в Анжер, куда, как он знал, съехались на совет дяди короля – герцоги Беррийский и Бретонский, и часть высшего духовенства Франции.

Грохнув кулаком по столу, герцог заявил, что ущемления своих прав не допустит, и, если герцогу Орлеанскому угодно развязать ещё и внутреннюю войну, то достойный отпор Бургундия оказать сумеет!

– Как вы думаете, дорогая, он не шутил? У нас действительно начнется война? – спросила герцогиня Мари.

Мадам Иоланда сразу не ответила. Опустила глаза и откинулась в тень, на подушки.

– Посмотрим.

Что поделать, старые дворцовые привычки, от которых не избавиться уже никогда, не позволяли даже в приватной беседе с человеком благорасположенным показывать свои истинные мысли и переживания. И Мари д'Алансон, не хуже герцогини усвоившая те же самые привычки, с пониманием улыбнулась. «О да, мы тоже посмотрим, – подумала она. – Моя дорогая Иоланда заменит нам даже короля, если это будет необходимо для процветания Анжу, так что, думаю, внутренней войны можно не опасаться».

Дрова в камине затрещали, огонь пыхнул жарче, и герцогиня Мари поспешила укрыться за тяжелым гобеленом, отгородившим столик для умывания. Её платье, хоть и обладавшее модным декольте, все же считалось зимним, а потому было щедро оторочено мехами, не слишком уместными возле жаркого камина.

– Как у вас душно, дорогая, – воскликнула она, обмахиваясь обеими руками.

– Увы, – вздохнула мадам Иоланда, – мой врач на этом настаивает и не велит открывать окна. Надеюсь, заточение в спальне продлится недолго – я так здесь скучаю... Возьмите на столике веер, вам станет легче.

Герцогиня Мари подхватила больше похожее на флажок, прямоугольное опахало итальянской работы, и расправила юбки, устраиваясь на складном стульчике у окна.

– А знаете, – заговорила она, оживлённо обмахиваясь, – я думаю никакой войны у нас не будет. При дворе много говорят о том, что его светлость Карл Лотарингский окончательно запутался в тяжбе с Луи Орлеанским из-за Нефшато, и тоже собирает армию. Боюсь, вести войну в двух направлениях герцогу Луи будет трудно, и он отступит. С другой стороны, лучшее, что он мог бы сделать, это уступить Нефшато Карлу и вместе с ним выступить против Жана. В этом случае отступил бы Жан. Но, увы, наш герцог божественно красив, при этом так же божественно глуп и упрям.

Обе дамы деликатно рассмеялись.

– А между тем, – снова заговорила мадам д'Алансон, – наш Бургундец упрям не меньше. Уж кому и объединятся с Карлом – так только ему! Однако нет! Что один что другой до сих пор не могут забыть обид из-за той давней истории с выкупом. Оба по сей день дуются и ни за что не станут помогать друг другу... Вы ведь слышали эту историю, дорогая?

– Расскажите, сделайте милость, – сказала мадам Иоланда. – Я тогда жила в Арагоне, подробностей не знаю

– О, это было очень в духе нашего Бургундца!

И мадам Мари, радуясь, что может развлечь подругу, принялась рассказывать о том, как несколько лет назад, во время крестового похода, перед самой битвой под Никополисом, некоему мессирю Жану де Хелли слышались голоса, которые советовали уклониться от сражения, иначе всё обернётся очень плохо. Мессир действительно предупреждал герцога Жана не пренебрегать этим знаком, но разве его светлость слушает кого-нибудь! В итоге Бургундец попал в плен, растеряв половину войска, и спасло его только то, что Баязет не рубил головы пленникам, имеющим такое высокое положение. Он лишь назначил огромный выкуп, и Филиппу Бургундскому пришлось изрядно раскошелиться самому, да ещё и просить денежной помощи у Карла.

Однако спасённый пленник на родину не спешил. Возвращался слишком долго и слишком расточительно. Останавливался в каждом городе, в каждом порту, наделал долгов, пользуясь своей славой и всё тем же высоким положением. А потом и вовсе застрял в обществе каких-то красоток, на которых спустил все те деньги, которые отец собрал для уплаты наделанных долгов...

Понадобилась целая экспедиция, чтобы вернуть блудного сына домой. И она тоже обошлась недёшево. Это сильно подорвало здоровье герцога Филиппа, а Карл Лотарингский страшно кричал на Жана, когда тот вернулся, и обозвал его... Впрочем, этого мадам Мари повторить не могла, но уверила, что отношения между Лотарингцем и Бургундцем с того дня сильно испортились. И вот теперь, когда у Карла большие неприятности с герцогом Орлеанским, все ждут, что предпримет Жан.

– Лично мне кажется, он ничего не сделает, – заключила мадам Мари. – Даже упустит отличную возможность щёлкнуть по носу своего давнего соперника, лишь бы заставить Карла Лотарингского попросить у него военной помощи. И по моему мнению это тоже ужасно глупо. А вы как полагаете?

Она вскинула на герцогиню Анжуйскую любопытствующий взгляд. Но та опять откинулась на подушки, и из тёмного алькова довольно долго ничего не было слышно. Только трещали дрова в камине, да какая-то птичка за окном выстукивала в деревянных ставнях что-то, видимое ей одной.

– Я думаю, Карл Лотарингский никогда не попросит о помощи того, кто чем-то ему обязан, – донеслось, наконец, из-под балдахина.

– И правильно делает! – тут же подхватила мадам Мари. – Я бы тоже с коротышкой связываться не стала. Он – страшный: вечно ходит злой, смотрит исподлобья, и ноги у него кривые. Герцогу Карлу лучше было бы помириться с Луи Орлеанским и принять его сторону. Не хочу, чтобы нами, в конце концов, начал править Жан! Луи, хоть и не блещет умом, зато красавец и любит веселье!

– Да, он раздражающе красив, – согласилась мадам Иоланда. – Будет жаль, если понимая столь явное превосходство над собой, герцог Жан решит как-нибудь прирезать бедняжку.

Понимая, что сказать такое можно только в шутку, мадам Мари засмеялась.

– Помилуй Бог! Поднять руку на брата короля! Кто может о таком помыслить?!

– Уродливый кузен, кто же ещё, – засмеялась в ответ мадам Иоланда.

Дамы ещё немного поболтали, пока герцогиня д'Алансон не решила, что слишком засиделась.

– Уж не начинается ли у вас жар, дорогая? – встревожилась она, целуя подругу на прощание. – Я совсем вас заболтала. Не послать ли за врачом?

– Не надо – это наверняка от духоты, – слабо улыбнулась мадам Иоланда.

– Тогда вот вам ваш веер, и велите служанке обмахивать вас, а сами поспите.

– Вы так добры ко мне, Мари, – послушно приняла веер совершенно обессиленная больная.

Но едва мадам д'Алансон покинула спальню, от томности герцогини не осталось и следа.

Откинув одеяло, она почти прыгнула с постели и приказала вбежавшей по её хлопку служанке:

– Немедленно подай платье, да позови отца Мигеля! Оденусь я сама.

«Вот и повод подружиться с вами, мессир Карл, – думал мадам Иоланда, торопливо просовывая руки в меховые рукава. – Я так долго его ждала, что теперь не имею права ничего испортить. Жан Бургундский мне хорошо известен – он безумно высокомерен, Карл Лотарингский – горд, а Луи Орлеанский – глуп, как и было сказано. И всё это прекрасно! Но тут и опасность: нельзя допустить ни единой случайности, способной нарушить равновесие или хоть в чём-то его изменить!»

Герцогиня выдернула из-под ворота свои длинные неубранные волосы, едва успела надеть на голову не слишком обременительный домашний убор, как в спальню, с низким поклоном вошёл отец Мигель.

Проскользнувшая следом служанка мгновенно задернула полог на раскиданной постели и выскочила, по опыту зная, как не любит мадам Иоланда присутствия посторонних во время её бесед с духовником.

– Пришла пора действовать, Мигель! – еле сдерживая возбуждение сообщила герцогиня, как только они остались одни. – Сейчас ты внимательно выслушаешь мой план, и вместе мы решим, как его обезопасить ото всего, что может случайно помешать...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАРЛ ЛОТАРИНСКИЙ

1407 г.

Замок в Нанси был уже довольно стар, и новостройки вокруг него, образовавшие целый город и значительно превосходящие по высоте прежние низкорослые домишки, почти скрыли изгиб дороги, ведущей к подъёмному мосту. Деревья тоже помогли – разрослись не в пример прежним годам так, что скоро скроют от глаз всю округу. А не за горами весна. И кружевные тополиные верхушки снова залепят вороньи гнезда с птенцами, от карканья которых в замке, где сейчас тихо, не станет никакого спасения.

Карл Лотарингский по прозвищу Смелый, граф Эльзасский и Мецский, сеньор де Бов и сеньор де Рюмини, сын Иоганна Первого, герцога Лотарингского и Софии, дочери Эгерхарда Третьего, графа фон Вюртемберга, стоял у бойницы западной башни, ёжился от холодного февральского ветра и в тысячный раз перебирал в уме все возможные причины, по которым герцогине Анжуйской могло взбрести в голову начать с ним переговоры о будущем воспитании её сыновей.

Причин, разумеется, хватало. По давнему обычаю и сам герцог Карл воспитывался когда-то при дворе Филиппа Бургундского. В те времена каждый мальчик, чьё происхождение позволяло в будущем носить звание рыцаря, должен был пройти весь путь – от пажа до оруженосца при господине, способном научить военному делу. Но, какую бы из обычных и, вроде понятных, причин ни начинал герцог рассматривать более пристально, всё ему казалось притянутым «за уши», поскольку существовало ещё больше причин против любого союза между Лотарингским и Анжуйским домами. Взять хоть треклятый Пизанский собор и греческого выскочку Филаргоса, которого герцог Анжуйский поддерживал всеми правдами и неправдами. Или все того же дурня Луи Орлеанского, который при каждом удобном случае похвалялся тем, что уж кто-кто, а король Сицилийский помощь ему всегда окажет...

Да и вообще, мало ли разногласий существует между сторонниками разных партий! Будь у него сыновья, герцог ни за что не отправил бы их в Анжу!

И вдруг это письмо! А точнее, предложение, изложенное в нём...

«Конечно, герцог Луи уделяет слишком много времени своей итальянской войне, – размышлял Карл, – но разве нет в его родне или в окружении рыцарей достаточно именитых, чтобы доверить им воспитание наследников? И разве сама мадам Иоланда, которая более чем умна и расчётлива, не справится с воспитанием кого угодно, хоть бы и королевских детей?! Образована она так, что позавидуешь, и если мне не изменяет память, даже герцог Филипп спрашивал когда-то её совета по поводу одной затянувшейся тяжбы, а Бодиньи – его придворный хроникёр – вообще заявил, что мадам Иоланда «ПО ОБЩЕМУ УБЕЖДЕНИЮ» прекраснейшая и мудрейшая из всех принцесс христианского мира!» Впрочем, она ему тогда кажется что-то подарила...

Нет!.. Нет!.. Совершенно ясно, что мадам нужен предлог для встречи, и второпях она просто не придумала ничего интересней. Но зачем ей это? Союз? Для чего? Или против кого? Или, всё-таки, обычная придворная интрига?».

От этих раздражающих мыслей показалось, что холодный ветер усилился. Герцог поспешно отошёл от бойницы. Раньше ему здесь хорошо думалось, но сегодня то ли слишком холодно, то ли тревожно... Чёрт побери, в какие времена приходится жить! Пожалуй, стоит вернуться в замок, хоть немного отогреться и понять, наконец, чего хочет эта герцогиня!

Мессир Карл пошёл к лестнице. Башенный часовой, мгновенно приосанившись, стукнул концом алебарды об пол.

– Следи за сигнальными вышками, – бросил ему герцог.

Потом спустился в галерею, ведущую к замку, и пошёл по ней в глубокой задумчивости, сутуло, заложив руки за спину.

Четыре года назад Карл Лотарингский ездил в Бургундию не столько повидаться, сколько попрощаться с герцогом Филиппом. Старик был уже очень и очень болен, и всё сокрушался из-за того, что оставляет слишком много власти своему сыну Жану.

– Ах, если бы тебе..., – почти шептал Филипп, стискивая слабеющими руками ладонь своего воспитанника. – Жан не будет вести себя так же умно, как мог бы ты... Он очень изменился после плена, никого не слушает, и забыл... совсем забыл мои уроки...

Измученное телесной болью лицо совсем скривилось, и старый герцог устрашающе бес- сильно заплакал.

Карлу тяжело было смотреть на эту слабость. С раннего детства воспитываясь в доме Филиппа Бургундского он привык видеть только силу, которой не переставал восхищаться. И постоянно учился и учился тому, что это восхищение вызывало.

Да, он был бы старому герцогу лучшим сыном, чем самодовольный и безрассудно заносчивый Жан. Беда заключалась в том, что сколько бы Филипп ни говорил: «лучше ты...», сына своего он всё равно продолжал любить.

– Поговори с ним, Карл, – шептал умирающий, теряя силы. – Наш король безнадёжен, ему не поправиться. А Луи Орлеанский дурак и скоро сам себя загонит в ловушку. Надо только не давать ему одуматься и немного подождать... Я так хорошо все подготовил! Но Жан нетерпелив и обязательно... обязательно испортит... Силы мои кончились, удержать его некому... Ах, если бы ты... поговори с ним, Карл!

Да... если бы, если бы...

В другое время Карл Лотарингский обязательно напомнил бы Филиппу, что они с Жаном никогда особенно не ладили, а после турецкого плена и вовсе разругались. Но теперь, чувствуя в ладонях последнее тепло этой мощной когда-то, а теперь усохшей и покрывшейся старческими пятнами руки, он понимал, что отчаянная просьба умирающего – не просто забота отца о сыне.

– Я всегда любил Францию, – выдохнул старик. – А он... он бездумно разорит её... При дворе не зря говорят – «Бургундец»... Моя вина, что не научил его любви большей. Да и мудрости научить не успел, что уж тут говорить... Моя вина, а тебе расхлебывать. Но кому ж ещё...

И умолк.

Разговор лишил его последних сил, позволив болезни вспыхнуть новым приступом боли.

По знаку Карла сиделка сбегала за лекарем, который, кроме пускания крови, никаких других способов дать облегчение больному не знал. И, чтобы не присутствовать при тягостном зрелище, герцог решил прямо сейчас попытаться исполнить волю своего воспитателя.

Жана он нашёл не сразу, исходив почти половину Руврского замка. Потом догадался заглянуть в места, знакомые ещё с тех пор, когда сам он – уже зрелый и крепкий юноша – находил по просьбе герцогини Марго её маленького непоседливого первенца и, уворачиваясь от укусов и палочных ударов, возвращал его в комнаты обеспокоенной матери.

Как и ожидалось, коротышка, поигрывая кинжалом, развалился на старом походном сундуке в тесной камерке возле оружейной. Он скосил глаза на Карла и усмехнулся:

– Кто бы сомневался, что придёшь именно ты, Карл. Тот умирающий старик давно пытается подозвать меня к своему одру. Но я не пойду.

Он прищурился, рассматривая лезвие.

– Зачем ты пришёл, точно какой-нибудь посыльный? Карл Смелый! Или вернее было бы сказать: Карл верный? Или Карл послушный?

Герцог, сцепив зубы, переступил порог и прикрыл за собой гладко обструганную дверь.

– Ты забыл добавить «любящий».

– Как, как? Любящий?!!

Закинув голову Бургундец расхохотался, рывком сел на сундуке, широко раскинул ноги и, воткнув кинжал в крышку, оперся на него рукой.

– Любящий говорил бы сейчас не со мной, а с тем, что осталось в больном старике от прежнего герцога Филиппа.

– Ему стало хуже.

– А я это и так понял, как только увидел тебя! – Коротышка опустил голову. – Хуже... Ему теперь, что ни день, всё хуже и хуже, но я туда предпочитаю не ходить. Вот ты, раз уж такой любящий, ответь на простой вопрос: тот, кто тебя сюда отправил, действительно прежний Филипп, или ослабевший умом умирающий, за которого говорит его болезнь?!

– Он твой отец.

– Мой отец – Филипп Бургундский! И я снова спрашиваю тебя, Карл, там, в покоях моего отца – по-прежнему он, или это уже другой, ничем на него не похожий старик?

Карл Лотарингский досадливо поморщился, но Бургундец истолковал выражение его лица по-своему.

– Вот видишь! – воскликнул он. – Ты тоже понял, что Филипп Бургундский мёртв. А его тень, говорящая языком боли, учить нас с тобой уже не может. Так что не трать понапрасну слов, выполняя его просьбы. Лучше давай забудем старые обиды, объединимся и пожмем друг другу руки, хотя бы ради памяти моего отца.

Не слезая с сундука, Жан протянул герцогу тёмную от загара пятерню, но тот в ответ лишь покачал головой.

– Я не подам тебе руки, уж извини.

Коротышка сощурился.

– Это почему же?

– Твой отец и в болезни остался мудрым. А ты, как и раньше, будешь упираться и стоять на своём, даже когда неправ. Бургундии не стать отдельным государством, как ни старайся. При разоренной Франции и она, рано или поздно падёт, или станет...

– Ну, хватит!

Жан соскочил с сундука и встал против Карла. Рука, которую он протягивал для рукопожатия, сжалась в кулак.

– Можешь не продолжать. Всего этого я уже наслушался! Хотя твои имперские амбиции мне тоже хорошо известны. Ты и свою Лотарингию сдашь, лишь бы слепить один большой кулак с французами или германцами. Но я другой, Карл! И своего упрямства не стыжусь. С детства, не от кого-нибудь, а от своего отца только и слышал: «Бургундия, Бургундия!» – и нет для меня другой империи, кроме этой земли! Так что, слепись хоть вся Европа в одну кучу, моя Бургундия станет в этом кулаке вот таким вот неудобным пальцем!

И, сложив увесистую фигу, Жан сунул её герцогу под нос.

Карл невольно отступил на шаг.

– Ты забываешься, Жан!

– А не надо было выводить меня из себя.

Бургундец вернулся к сундуку и сел на него уже боком.

– Я всю свою жизнь почитал отца. Спроси любой: «Кто первый после Бога?», и я бы не задержался с ответом. Но теперь мне надо заставлять себя войти в его комнату. Болезнь победила, а видеть Филиппа Бургундского побеждённым для меня невозможно! Ты ведь тоже

говоришь, что любил его, Карл, поэтому обязан понимать, что именно ради отца я продолжу то, что делал он, только более решительно!

Карл Лотарингский тихо вздохнул.

Собственно говоря, а чего он ещё хотел? Жан оставался Жаном, и ждать от разговора с ним какого-то иного исхода было глупо. Но долг перед умирающим Филиппом следовало исполнить до конца, поэтому, как можно миролюбивее, оставляя то ли себе, то ли Жану последний шанс, герцог спросил:

– Чего же ты, в конце концов, хочешь?

Коротышка радостно осклабился.

– Я рад, что ты захотел узнать мои планы, и охотно ими поделюсь, тем более, что после смерти отца мне никто и ничто не помешает. И тебя с твоим германским тестем я, кстати, тоже не боюсь. Прежде всего, Францию я губить не собираюсь. Только поставлю её на место. Бургундия уже почти государство – нравится тебе это или нет. И я – прямой потомок Жана Доброго – сумею сделать её даже более могучей, чем была подыхающая ныне Франция! Кто ещё волеёт живую силу в древо Валуа? Правящая ветвь династии отсыхает, и мой полоумный кузен Шарль тому прямое доказательство. Про кузена Луи даже не говорю! Провидение подарило ум и силу нашему роду. Отец вынужден был смириться с положением второго человека в государстве, но мне выпал шанс жить и править в такое время, когда довольствоваться положением второго просто преступно! Наконец, я единственный из всех моих недоумков братьев, кто умеет управляться с армией. Я многому научился у Баязета, когда жил в плену... Да, Господи, зачем тут много перечислять?! Кому ж и править, как не мне?

Опершись о край грубо сколоченного стола, кое-как прикрытого старой попоной, Карл Лотарингский наблюдал за Жаном со смешанным чувством презрения и досады.

Всё ясно, бесполезный этот разговор ни к чему не приведёт.

Но в задрожавшем словно от страха свете единственной свечи фигура Бургундца приобрела вдруг что-то зловещее – то ли от взлетевшей к потолку огромной тени, то ли от красных отблесков, заплывавших в глазах Жана, и герцогу Карлу стало не по себе.

– Много на себя берёшь, – заметил он, стараясь казаться спокойным.

– А кто мне теперь здесь помешает? – вскинул брови Жан. – Кузен Луи? Его любовница королева? Или, может быть, король?

Он сипло засмеялся, обнажив порченные в турецком плену зубы.

– Королеву я быстро пристегну к своему поясу, как только получу права опеки над дофином, и своего любовника она сама мне отдаст со всеми потрохами. А мальчишка дофин ещё слишком мал, будет делать то, что я скажу. И вместе мы – для начала – остановим войну.

– Это как же?

Жан презрительно скривил губы.

– Думаешь, так трудно договориться с англичанами? Сэр Генри сейчас воюет с Шотландией, ему не до нас. Но на тот случай, если глядя на наши распри он снова решит попытать здесь счастья и нарушит перемирие, я кое-что приготовил. Вот, взгляни.

Он легко соскочил на пол, подошёл к тёмному от времени ларцу на ступенях оконной ниши и, открыв его, вытащил широкую золотую цепь с большим изумрудом в центральном звене.

– Видал, какая редкость! Камень принадлежал ещё Робберу Набожному, и мой отец заказал цепь специально под него. Но как только старик умрет, и всё здесь станет моим, я отправлю сокровище в подарок принцу Генри Монмуту. Если слухи о болезни английского короля правдивы, править не сегодня-завтра будет он. И этот символ будущей дружбы придётся как раз кстати. Не захочет помогать – чёрт с ним! Говорят, английские таверны держат его так же крепко, как безумие держит нашего короля.

– А если нет?

– И тогда договоримся. Получит кое-какие территориальные уступки, заткнёт ими рот парламенту и будет пьянствовать дальше.

– Тебя распнут за эти уступки, – процедил сквозь зубы Карл.

Жан Бургундский подбросил в руке тяжелую цепь и хитро засмеялся.

– А я отдам земли Орлеанского дома. Точнее – не я, а дофин. Или от его имени королева. Здорово получится, правда? Так что распинать будут их, а я под этот шум разверну Бургундские знамена, брошу клич, соберу всех – и друзей, и вчерашних врагов – и все отданное отвоюю обратно. Я – Жан Бесстрашный, которому за такую победу преподнесут и эти земли, и многое другое! Вот тогда, друг мой, на этой голове, – Жан постучал себя по лбу, – корона Франции станет лишь дополнением Бургундской короны.

Карл выпрямился.

– Я под твои знамёна не встану, – сказал он, глядя прямо в чёрные глаза коротышки.

Тот молча повел шеей, как будто раздвигал тугой ворот. Потом, с тяжелым грохотом, в ларец упала цепь. Следом захлопнулась крышка.

– Значит, не встанешь...

Жан выдернул из сундука свой кинжал, заставив герцога на мгновение похолодеть, и подошёл почти вплотную.

– Не хочешь со мной – твоё дело. Но и мешать не вздумай. Когда отец умрёт, я стану очень опасным врагом, Карл. Так что, не лезь в мои дела помехой. Дорого обойдётся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Даже теперь, спустя годы, при этом воспоминании мессир Карл с досадой оборвал сам себя.

Да, он действительно готов был поступиться суверенитетом своей Лотарингии ради мощной империи, не подрывающей себя изнутри мелкопоместными распрями. Однако здесь, во Франции, союзников в этом деле ему не было: все занимаются только собой и собственными делами. Король Шарль безумен, королева – распутна, да и брата короля, этого красавчика Луи Орлеанского, разумным и добродетельным, никто бы не назвал. Заключение с ним какого-либо альянса было для герцога Карла так же неприемлемо, как и союз с Жаном Бургундским.

Хотя...

Хотя, как посмотреть. И если нет другого выхода, то из двух зол надо выбрать меньшее. Когда-то, ради создания своей империи и Карл Великий не брезговал пожимать руки всяким ничтожествам, потому что от ничтожеств беды надо ожидать в первую очередь. Жан Бургундский, хоть и уперт и хамоват, но все же личность, одержимая идеей, и это герцог Лотарингский мог понять. А Луи Орлеанский, этот беспутный щёголь, никем теперь не ограниченный – то самое ничтожество и есть! И, как ни странно, но пожатие ЕГО руки – это меньшее зло! Пусть даже не в союзе, а только рядом с ним, в Королевском совете, в должности, к примеру, коннетабля, но там, у власти, чтобы отбирая из людей разумных, создать помеху варварским планам Бургундца!

Да, при такой перспективе можно было Луи Орлеанскому руку пожать... Однако, Господь Всемогуший, как же это противно для него – Карла Смелого!

И тут то ли Судьба, то ли провидение, а, может, и чья-то воля разом избавили герцога от всех сомнений.

После смерти Филиппа Бургундского, почуяв себя единоличным правителем королевства, Луи вдруг стал осмотрительным и решил укрепить свои военные позиции на случай каких-либо посягательств со стороны Жана. Тут бы ему и улыбнулась удача, поскольку нацелился он на область Рейна, в частности, на Лотарингский городок Нефшато, что было стратегически верно. Но свое требование к герцогу Карлу «не препятствовать вводу его войск» облёк в такую наглую форму, что тому не оставалось ничего другого, как – прорывав: «выродок!» – ответить решительным отказом и бросить скомканное послание в лицо побледневшему посыльному.

Стало ясно, что без боя Нефшато не взять.

Однако в одиночку Луи Орлеанский не решался идти на такого сильного противника, учитывая стоящего за спиной герцога тестя – германского императора Рупрехта, и собственные – весьма скромные – способности военачальника. Поэтому для начала в боевую готовность были приведены юристы. С их помощью всем грозила нудная, выводящая из себя тяжба. Однако мессир Карл и тут был готов к обороне, поскольку ничего не стоило доказать, что Нефшато к части вассальных владений не относится.

И вдруг, год назад, в Париже быстро и активно составила́сь целая коалиция против Лотарингского герцога. Причём, одним из первых, вступивших в эту коалицию, числился герцог де Бар – родной дядя Иоланды Анжуйской – и его давние союзники: графы фон Сальм, фон Юлих, а также епископ Верденский.

Вот тогда-то его светлость окончательно и вышел из себя!

Едва стало известно, что войска коалиции собраны и готовы двинуться на Лотарингию вместе с Луи Орлеанским, он тоже развернул боевые знамёна и поставил под них всю свою армию, отозвав даже ту её часть, которая, по договору с Рупрехтом, отошла для укрепления германских границ.

...Нельзя сказать, что сражение под Нанси было каким-то особенно яростным или кровавым. Луи Орлеанский, как и ожидалось, показал себя не самым блистательным полководцем, да и войска коалиции действовали как-то вяло, слишком быстро и охотно признав свой полный разгром.

Но даже сейчас, когда они отступили к Пон-а-Му, герцог Карл понимал, что ничего ещё не кончено. Держал лотарингскую армию в боевой готовности, а сам каждое утро лично поднимался в сторожевую башню где, стоя у северной амбразуры, ждал малейшего сигнала, чтобы приказать трубить общий сбор.

И вот в такой-то момент, неожиданно-негаданно, появляется посланник от герцогини Анжуйской с самым обычным, но от этого особенно подозрительным письмом!

«...Не вижу никого более способного внушить идеалы подлинного рыцарства моим сыновьям, кроме Вас – единственного, могущего вызвать в них уважение после их отца...». Звучит, конечно, красиво, и для любого другого вполне убедительно, особенно после одержанной победы. Но, учитывая личность этой дамы, Карл не давал себе обмануться. И вместо того, чтобы обдумывать, как лучше ответить – высокомерным согласием или лицемерным отказом – он без конца размышлял над тем, какой расчёт строит на нем герцогиня? Особенно теперь, в самый разгар вражды с её дядей и его союзниками?

Да, несколько лет назад они встречались в Дижоне. Её светлость поразила тогда мессира Карла глубокими познаниями в таких областях схоластики и мистики, о которых не каждый мужчина имеет представление. И удивило герцога в первую очередь не то, что она их имела, а то, что ЗАХОТЕЛА иметь.

Беседа велась в драгоценной библиотеке Филиппа Бургундского, где он любезно позволил «похозяйничать» своей гостье. Перебирая древние свитки и фолианты, мадам герцогиня очень ловко переходила от темы к теме, завлекая своего собеседника в извилистый лабиринт умозаключений и выводов, которые она сделала, изучая Историю, как тайную так и явную.

По мнению мадам Иоланды всё более-менее значимые события связаны между собой единым замыслом Провидения, который представляется ей нитью с нанизанными на неё бусинами. Взору непросвещенному и непосвященному эта нить не видна, но есть избранные, которым дано проследить её направление не только в глубинах прошлого, но и в будущем, абсолютно скрытом от простого ума.

Примеров тому приводилось великое множество, от пророков времён Пиппина до астрологов короля Генри Короткая Мантия, но увенчало всё пророчество Мерлина о Деве, которая придёт, чтобы спасти гибнущее королевство. И поскольку по предсказанию прийти она должна из Лотарингских земель, пример этот был весьма уместен именно в беседе с Карлом.

– Не кажется ли вам, ваша светлость, – как бы между прочим спрашивала герцогиня, сосредоточенно рассматривая гравюру на рукописном издании «Кодекса Манесса», – что все события во Франции и за её пределами складываются именно так, а не иначе как раз для того, чтобы это пророчество свершилось? Все эти войны, эпидемии, браки и смены правителей... Даже безумие нашего короля! Не видите ли вы во всем этом лишь шахматные ходы, которыми Провидение убирает одни фигуры и выдвигает другие, медленно но верно подводя их к той единственной, появление которой можно приравнять ко второму Пришествию?

Она взглянула на герцога и улыбнулась, давая понять, что высказывает одно только предположение. Но мессир Карл досадливо поморщился в ответ.

Он не любил эту тему.

В Лотарингии только ленивый не предрекал время от времени, что вот-вот, ещё немного – и Дева явится, чтобы разом избавить их ото всех бед и напастей. Выезжая на охоту, герцог то и дело натывался на кресты, поставленные его рабами для молитв о её скором при-

ходе, и давно уже устал от бесконечных донесений, что где-то в каком-то приходе родилась очередная чудо-девочка, у которой или сияние вокруг головы, или ладошки в золотой пыли, или на теле родимое пятно в виде короны, окруженной звёздами. Потом, естественно, оказывалось, что ничего такого не было, и все сияния померещились, как и родинки, в которых, при желании, можно было усмотреть что угодно, хоть даже и адскую собачью голову! Зато оставался горький осадок разочарования.

В юности и сам Карл хотел верить в приход Спасительницы. Перечитал все пророчества, сделанные на её счёт после Мерлина, включая сюда и самые ненадёжные, вроде откровений какого-то слепого испанского монаха... Кстати, тот много странствовал и, как говорят, осел где-то на родине этой мадам Иоланды. Уж не у него ли набралась она всех этих идей?

Впрочем, думал герцог, в сущности – какая ему теперь разница? Повзрослев и как следует узнав жизнь, которая сменила юношеские радужные цвета на все оттенки чёрного и белого, мессир Карл давно уже понял – появление Девы невозможно. И незамедлительно высказал это герцогине Анжуйской в ответ на её вопрос-предположение.

– Да, да, вы абсолютно правы, – сразу согласилась она, печально покачав головой. – При нынешнем положении дел в Церкви о каком чуде Господнем может идти речь? Разве что появится новый папа, способный отрешиться от мирских разногласий и прозреть недоступные простым смертным духовные сферы.

И тут герцог понял, в какую ловушку завлекает его герцогиня.

«Так вот вы о чем, мадам, – усмехнулся он про себя. – Все эти умные речи сводились к одному – к попытке уговорить меня не препятствовать созыву вашего никчемного собора! А я-то уж было подумал... Но, как бы тонко вы ни подводили меня к нужному для вас решению, все равно это глупо. И раз уж на то пошло, извольте – откровенность за откровенность»

– Так вы считаете, что появление третьего папы это положение улучшит? – спросил он, не скрывая сарказма. – Что ж, на этот счёт я вам сделаю своё собственное пророчество и уверенно предреку, что некий греческий епископ на Священном престоле вызовет смуту ещё большую, чем прежде, в которой я, как и ваш супруг, приму самое активное участие, только с противоположной стороны. Не сочтите меня грубым, но в отличие от тех, кто готовит Пизанский собор, я вовсе не считаю этого выскочку Филаргоса бусиной на нити Провидения.

– Да полно вам, герцог, – не прерывая своих занятий, беззлобно откликнулась мадам Иоланда, – никто его таким не считает. Но по моему разумению, в отличие от ныне действующих пап, монсеньер Филаргос может стать просто очень удобной вехой, через которую нить Провидения скорее дотянется до нужной цели. И кроме этого, ЕСЛИ ХОТИТЕ, он ни во что больше вмешиваться не станет...

Тогда, переходя от изумления к раздражению и обратно, герцог Карл не увязал в единую цепь миссию Филаргоса и пришествие Девы. Все разговоры о пророчестве он посчитал всего лишь переходом к тому главному, чего хотела добиться от него мадам Иоланда. К тому же, пять-шесть лет назад единственное, чего можно было ждать от нового папы – это прекращение войны, поскольку внутренние междоусобицы своего нынешнего размаха ещё не достигли.

Но сейчас, зная истинное положение дел и понимая, что спасти Францию может только чудо, Карл Лотарингский вдруг припомнил тот давний разговор и призадумался. Что если герцогине действительно нужен тесный союз с ним? Как женщина умная и дальновидная, к тому же близкая ко двору, она не могла не понимать в каком положении находился сейчас герцог. Как и то, что он с самим чёртом готов побрататься, лишь бы в королевстве не стало ещё хуже. И кто знает, не известно ли ей нечто такое, за что Карл не то что с чёртом побратается, но и душу ему продаст?!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Во дворе поднялся какой-то шум.

Герцог остановился и, перегнувшись через деревянные перила галереи, посмотрел вниз.

Большая телега, въехавшая видимо совсем недавно, стояла посреди двора со всех сторон облепленная свободными от караула лучниками и хохочущими служанками с кухни. Что происходило на телеге видно не было, но сквозь грубый солдатский гогот и визгливые подначивания служанок пробивался тонкий девичий голосок, умоляющий ничего не трогать.

– Что происходит? – крикнул герцог.

Запахнув плащ плотнее, он, вместо того, чтобы идти в свои покои, спустился по боковой лестнице во двор.

Челядь мгновенно расступилась, согнувшись в поклонах, и Карл увидел совсем юную заплаканную девушку, почти лежащую на корзинах, укрытых соломой. Подол юбки на девушке был задран, а на тонкой белой ноге виднелись грязные следы от солдатских лап.

– Что здесь происходит? – нахмурившись, переспросил герцог.

– Торговка из Люневиля привезла овощи, мессир, – ответил, не разгибая спины, один из лучников.

Карл снова перевёл взгляд на обнажённую ногу, и девушка быстро одернула подол. Из-под ровных, темных бровей на герцога коротко сверкнули поразительно зеленые глаза.

– Ты кто такая? – спросил он, осматривая маленькие, ещё не загрубевшие кисти рук и чистую шею, видимую сквозь раздерганную полотняную одежду девушки.

– Ализон Мэй, – опуская ресницы, пробормотала она.

– Ты крестьянка?

Девушка густо покраснела, видимо совсем смутившись, и замолчала, теребя подол передника, от которого не отрывала взгляда.

– Её отец служит в церкви Святого Георгия регентом, ваша светлость, – сообщила одна из замковых служанок. – А Ализон с матерью живут в Люневиле, разводят овощи и продают. У них там ещё двенадцать детей.

Карл подошел к повозке поближе.

– Чем ты торгуешь?

Все ещё не поднимая глаз, девушка сдвинула с верха корзины солому, достала ярко-красное позднее яблоко и протянула его герцогу.

«Дева, – пронеслось в голове у Карла, когда пальцы их на мгновение соприкоснулись. – Дева из народа, но чистая и прекрасная, не похожая на грязных крестьянок и распутных дочерей ленников... Господи Боже, как всё было бы просто и хорошо! Но разве смогут наши спесивые принцы и бароны принять такую? Нет, даже представить невозможно!»

– Через месяц поступишь в услужение к старшей фрейлине герцогини, – буркнул он, не глядя на девушку. – Деньги за тебя будут переданы отцу, а матери выделяют землю.

Кто-то из служанок завистливо охнул, и Ализон, наконец-то, подняла глаза.

– — Спаси вас Господь, мессир, – еле слышно прошептала она.

Со стороны кухни прибежал запыхавшийся паж. Видимо форшнейдер заметил во дворе своего господина и послал узнать, в чём дело.

– Расплатись и заberi всё, – велел ему герцог.

Затем повернулся к лучникам.

– Если отец этой девушки пожалуется, что дочь его обесчестили в моём замке, перевешаю всех, на кого он укажет.

Посеревшие лучники расступились, когда он пошел мимо них, а в голове Карла все ещё вертелось: «Дева... Дева из Лотарингии... Спасительница... Эх, будь моя воля, сам бы её при-

звал! Пусть избавит нас именем Господа ото всех дураков. И в первую очередь, от Луи Орлеанского...»

Стоп!

Герцог замер, не дойдя до лестницы.

«А что если мадам хочет того же?! Что если она... О, Господи! Тогда становятся понятными и все те давние туманные разговоры, и даже треклятый Филаргос с его папством! Она готовит приход Спасительницы. И я ей нужен, как хозяин Лотарингии, чтобы всё было, как в пророчестве!»

– Тревога! – закричал со сторожевой башни караульный. – Сигнальные огни со стороны Пон-а-Му!

– Труби сбор! – приказал герцог, с сожалением отмахиваясь от поразившей его мысли.

Даже если и так, то... потом, всё потом.

По двору тут же забегали, заметались лучники, раскрывая двери конюшен и оружейной. Выскочили из своих помещений оруженосцы, вытаскивая боевое снаряжение. Беспокойно заныли сигнальные рожки. Кто-то схватил под уздцы лошадь в телеге Ализон Мэй и потащил её в сторону...

«Ну вот, снова началось! – азартно задрожав в предвкушении битвы, подумал Карл. – Извольте пока подождать ответа, драгоценная мадам Иоланда. И если воля Божья на моей стороне, то сегодня я окончательно покончу с этой чёртовой коалицией, а потом... Потом, для каких бы целей вы мне союз ни предложили, я знаю на каких условиях приму его от вас».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНЫЙ ЗАГОВОР

(весна-лето 1408г.)

Шахматный король со стуком полетел на пол.

– Не хочу больше играть!

Герцог Анжуйский отпихнул от себя доску, повалив последние стоящие на ней фигуры и откинувшись на высокую спинку своего стула. Желтоватый свет, льющийся сквозь драгоценные цветные стёкла на окнах, показался ему тревожным, полным дурных предостережений. И сокол, дремавший рядом на жёрдочке, беспокойно встрепенулся, словно почувствовал настроение хозяина.

– Это потому, что в игре ты обычно больший дурак, чем я в жизни, – заметил придворный шут герцога Жак.

– Придержи язык, – оборвал его герцог.

В последнее время он всё нетерпимее относился к подобным остроумам, хотя раньше Жаку в этом доме позволялось многое. Ещё мальчиком, как младший сын разорившегося дворянина – из рода де Вийо – Жак был взят в услужение в Сомюрский замок, чтобы, оправдывая надежды отца, пройти весь путь от пажа до оруженосца и, может быть, когда-нибудь заслужить право быть посвящённым в рыцари. Во всяком случае, разорившийся господин де Вийо такую возможность вполне допускал. И, полагая своё разорение большой бедой, всё же надеялся, что кто-то из трёх его сыновей честь и достаток рода обязательно восстановит.

Но если беда щёлкнула по носу один раз, она этим вряд ли ограничится. Двух старших братьев Жака унесла гуляющая по Европе чума, окончательно подорвав силы и здоровье престарелого родителя. А сам Жак, хоть и сумел счастливо избежать болезни, от нового увесистого удара Судьбы так и не увернулся.

Как-то раз, играя во дворе замка со сверстниками, мальчик забрался на крышу сарая, обветшавшую после снежной зимы и ещё не перекрытую заново. Прыгая там с балки на балку он оступился и упал внутрь, исцарапавшись об острые прутья перекрытий и сломав ногу. Испуганные приятели оттащили пострадавшего к управителю замка господину Бопрео, который, не считая возможным тратить на лекаря из-за такого пустяка, сам как смог наложил шины и повязки. Раны от царапин, слава Богу, не загноились и прошли довольно быстро, а вот кости ноги срослись неправильно, после чего пажескую службу ещё можно было продолжать, но о рыцарстве следовало забыть окончательно. Скорее всего именно это обстоятельство и развило в мальчике то злое остроумие, которым, за неимением другого оружия, он стал сражаться со всем миром, пробиваясь сквозь него как сквозь вражеское войско.

К семнадцати годам Жак де Вийо поднатерел в искусстве острословия настолько, что позволил себе дерзость громко комментировать рыцарский турнир, устроенный в Сомюре по случаю кануна Пятидесятницы. В том турнире участвовал молодой Луи Анжуйский, и остроумные замечания пажа-переростка развеселили его настолько, что уже на третий день будущий хозяин Анжу не отпускал от себя остряка ни на минуту, требуя высказаться в адрес того или иного рыцаря или сражения. А когда турнир закончился, забрал его с собой в Анжер без какой-либо определённой должности. Когда было надо, Жак исполнял роль приятеля, когда не надо – пажа и порученца. Но шутлом он оставался всегда и везде. И чем прочнее закреплялось за ним это положение, тем злее и нетерпимее он становился.

Мадам Иоланду Жак де Вийо невзлюбил сразу и навсегда с того первого раза, когда в ответ на его довольно удачную острогу в её адрес, герцогиня ответила не менее остроумно. А потом, под всеобщий хохот, посоветовала ШУТУ больше о её персоне не высказываться. И сделала это так жёстко, что Жак пренебрегать советом не рискнул. Однако всякий раз, оставаясь наедине с герцогом, нет-нет да и вворачивал пару-тройку острот по поводу его женитьбы и, особенно, по поводу того главенствующего положения, которое день ото дня всё больше закреплялось за герцогиней. Мелочное удовольствие, которое он получал слушая смех господина, утешало и радовало пусть крохотной, но все ещё совместной насмешкой. Совсем как в былые времена, когда эти насмешки дарили хромоногому слуге ощущение какой-никакой власти.

Вот и сегодня Жак решил удобного момента не упускать. С раннего утра мадам герцогиня отправилась в Фонтевро на богомолье – слишком показное по мнению де Вийо. Поэтому, уловив собачьим чутьем напряжение и нервозность в поведении герцога, шут уговорил его на шахматную партию. Невнимательность в игре и досадные промахи господина убедили Жака в том, что его светлость целиком и полностью занят мыслями об отъезде герцогини. И мысли эти не из приятных. Поэтому, едва фигуры были отброшены, де Вийо поднял с полу шахматного короля, поставил его против королевы и, двигая ими в такт песенке, гнусаво затянул:

*Брак по любви – несчастный брак:
Один из двух всегда беспечен,
Всегда обманут и дурак,
И потому сей брак не вечен.
Женись с расчётом на деньгах,
Жена стократ милей в расчете!
И вот ты сыт, и вот ты благ,
Не станешь плакать, что рогат —
Кто ловок, тот и при рогах
Всегда в большом почёте!*

Раньше эта песенка неизменно веселила герцога, утешая и радуя Жака. Однако сегодня, ещё не допев до конца, он понял, что момента не угадал. Тяжелый неприязненный взгляд Луи Анжуйского завис между ними над игральным столом, сгущая вокруг Жака тишину, которая с каждой секундой делалась все более зловещей. А потом герцог и вовсе прошипел сквозь зубы:

– Пошёл вон!

И когда резво кинувшийся к двери Жак уже готов был скрыться за ней, в спину ему долетело:

– Отправляйся конюшим в Шинон! И чтобы я тебя больше не видел!

Вряд ли даже достигнув нового места службы и успокоившись, Жак де Вийо смог до конца разобраться в причинах своей отставки. Позволявший ему говорить всё и обо всех, герцог Анжуйский никогда прежде не опускался ни до такого тона, ни до такого гнева. И уж конечно, никогда в жизни, даже в самом страшном сне, господин де Вийо не мог себя представить отлученным от Анжуйского двора, пусть и в почётной должности конюшего!

А между тем, причины для перемен были. И если бы шутник Жак относился к людям, которых привык высмеивать, чуть более внимательно, он бы давно понял, что отношение его господина к жене перешло некую черту, за которой любые насмешки и колкости кажутся уже святотатством. Что восемь лет безмятежного семейного тепла и покоя, ни разу не омраченного взаимным непониманием, не обратились в привычку, как следовало ожидать, а проросли новым, крайне неудобным и беспокоящим чувством, имя которому Любовь!

Да, герцог Анжуйский вдруг полюбил свою жену. И эта самая Любовь, так презиравшая и, что уж тут греха таить, всегда его светлостью отрицаемая, словно в отместку обошлась с ним совсем не так, как обходится обычно с теми, кто ей предан. Первым делом, она сорвала пелену обыденности, застилавшую герцогу глаза, и образ добродетельной супруги и заботливой матери – такой привычный, такой знакомый – вдруг дополнился чёткими штрихами жёсткого политика. Взгляд, растревоженный новым чувством, стал подмечать обширную переписку, что велась порой сутки напролёт, визиты служителей – как церковных так и светских – которые, вроде бы, случались по причинам самым житейским, а то и просто проездом, но всегда накануне каких-то значительных событий в государстве. А уж подметив всё это, сопоставить одно с другим даже герцогу оказалось совсем не сложно. Взять хотя бы приезд сразу двух папских легатов – Авиньонского и Римского – на крестины их первенца Луи. Герцог тогда не придал этому никакого значения, кроме того, которое подразумевалось само собой. Он, в конце концов, человек в государстве далеко не последний, так почему бы обоим папам не прислать своих представителей для крестин его наследника?! И, между прочим, подношение на нужды Церкви, которое мадам Иоланда сделала тогда каждому из пап, было, пожалуй, излишне щедрым! Однако года не прошло, как Рим, безо всяких сопротивлений со стороны Авиньона, пожаловал Филаргоса камилавкой, сделав его к тому же папским легатом в Ломбардии, что значительно облегчило созыв Пизанского собора и увеличило шансы самого Филаргоса на избрание. Оставалось только диву даваться, какими такими уговорами можно было заставить враждующих пап собственными руками устроить дела опасного конкурента!

А тут ещё и спешно созданная в Париже военная коалиция во главе с любезным епископом Лангрским (тоже, кстати, заезжавшим накануне), так удачно и вовремя отвлекла внимание серьезного противника собора – Карла Лотарингского. Худо-бедно, но провозился он с этой коалицией достаточно долго. И даже тот факт, что Карл одержал победу, истинным поражением для сторонников собора не стало. В конечном итоге, осрамился только Луи Орлеанский, на которого, в сущности, было наплевать. А Франции в целом его срам шёл только во благо. Герцог Анжуйский не успевал озираясь по сторонам на все эти удачно складывающиеся моменты. Он уже довольно потирал руки, предвкушая перспективы, которые откроются для него в Италии с воцарением нового папы, и тут вдруг произошла с ним эта беда... Любовь!

И все счастливые стечения обстоятельств мгновенно сложились в его голове в тонкий, дальновидный, исключительно ловко продуманный план. В истинном свете, предстали и щедрые подношения супруги, и гонцы, выезжающие из их замков чаще, чем королевские вестовые из Лувра, и письма, привозимые обратно чёрт знает откуда, но скреплённые такими печатями, что поневоле задашься мыслью – а не стал ли Анжу третьим Римом? Семейная жизнь вдруг завертелась перед герцогом огромной воронкой, в которой крутились, перетасовываясь, рождения, смерти, брачные альянсы, короны, должности и даже альковные страсти половины Европы!

«Я женился на политике», – вынужден был он признаться самому себе. И трудно сказать, огорчило его это открытие, или только подбавило жару неопытным чувствам. В конце концов, уняв первое тревожное сердцебиение, Луи Анжуйский умилённо решил, что всё происходящее вершится ради него. А потом всем своим полюбившим сердцем твердо решил помочь!

Однако, чтобы помочь, надо, как минимум, знать, в чём конкретно эта помощь требуется! Но как подступиться с расспросами к женщине, превосходство которой и раньше смутно подозревалось, а уж теперь-то... Теперь, когда приходилось вступать на такое поле деятельности, где только копьём и мечом мало чего добьёшься, превосходство это следовало признать безоговорочно. Какую помощь мог тут оказать вечно воюющий завсегдатай турниров?

Пожалуй, только не мешать. Но не мешать активно! Так, чтобы супруга всегда знала: он рядом, и если что – при нём всегда его меч, его войско, его безграничная любовь и его жизнь, которую он за эту чертову любовь отдаст безоговорочно!

Повод объясниться подвернулся сам собой и очень быстро.

Как раз в тот день, когда из Осера пришло сообщение об окончательном разгроме Луи Орлеанского под Понт-а-Му, герцогиня пребывала в прекрасном расположении духа, и герцог решился.

Была среда – обычный её почтовый день. Секретарь, подвязывая на ходу чернильницу к поясу, уже спешил к покоям герцогини с распухшей от бумаг папкой, из которой торчали очинённые перья. И в любое другое время никто, даже прислуга детей, не осмелились бы прерывать такого важного занятия. Но герцогу не терпелось! Радужное настроение, в котором пребывала мадам, придало Луи Анжуйскому храбрости. Он велел седлать лучших лошадей, решительно отослал секретаря, а потом, в самых изысканных выражениях предложил мадам Иоланде совершить прогулку по окрестностям замка.

День стоял солнечный, как по заказу. Раскисающая по весне земля уже достаточно подсохла, чтобы не было риска в ней увязнуть, и герцогиня, удивлённая лишь слегка, согласно кивнула.

Она потратила на переодевания не больше получаса и оказалась в седле даже раньше супруга. Пока герцог отдавал распоряжения свите, прищипорила своего коня, лихо проскакала до внешних ворот, пугая челядь, еле успевающую увернуться от комьев грязи из-под копыт, чем привела его светлость в полный восторг!

– За вами не угнаться, мадам! – радостно крикнул он, догоняя супругу на мосту.

Галопом они пронеслись до поворота на Заячье поле, где осенью всегда так хороши охоты, и мессир Луи в тысячный раз отметил про себя, что герцогиня отменно держится в седле.

– Давайте поедем уже шагом, дорогая, – предложил он, изнывая от нетерпения и волнительной дрожи. – Кони перестояли за зиму... Да и свита еле плетется. Смотрите, совсем отстала...

– А разве это так плохо? – Герцогиня со странной улыбкой посмотрела на мужа – Вы ведь, сударь, хотели поговорить со мной о чём-то важном, не так ли? Зачем же нам лишние уши?

Она придержала коня, бросила поводья и подставила лицо солнечному теплу, словно понимая, что сейчас герцога взглядами лучше не смущать. А тот, напротив, от изумления и неожиданности дал шпоры, проскакал мимо герцогини чуть вперёд, где завозился, неловко отдуваясь и то натягивая, то отпуская повод, чем совершенно сбил с толку коня, растерянного как и он сам.

Бедный не привыкший к роли влюблённого герцог никак не ожидал, что прозорливость супруги, такая привычная в любой другой ситуации, совершенно собьёт его с толку сейчас! То что утром представлялось простым и приятным, здесь, на дороге, вдруг затяжелело, заскрипело и готово было покатиться назад.

И оно бы непременно покатилося, не отсеки мадам Иоланда своими словами все пути к отступлению.

Герцогу вдруг стало ужасно стыдно. Супруга определённо ждала от него важного разговора, но учитывая её интересы, которые Луи Анжуйский так недавно для себя открыл, любовные признания могли оказаться последними по степени важности! И хорош же он будет, когда краснея и заикаясь начнет говорить о любви, а в ответ наткнется на презрительное недоумение. После стольких лет брака подобного разговора мадам Иоланда от него точно не ожидает. Но как без объяснения предложить свою помощь, герцог, уже составивший в голове весь разговор, заново – в буквальном смысле на ходу – придумать уже не мог. Поэтому, выгадывая время, обернулся на придворных, махнул им рукой, чтобы ближе не подъезжали, прокашлялся и, удивляя самого себя, выдал:

– Мадам, я решил не делать этим летом похода на Италию.

Герцогиня еле удержалась, чтобы не выдать разочарования.

«Не делать похода на Италию...»! Вот так вот! А она-то, глупая, ждала пылкого любовного признания...

«И почему всё так нескладно?! – подумала она. – Почему в том порядке, который Господь устроил для людей, мужчина, не умеющий выразить свои чувства, не может сделать это каким-нибудь другим удобным для него способом? К примеру, погоней вон за тем зайцем, который, лениво подбрасывая зад, пробирается по полю с таким видом, будто точно знает, что вся эта свора людей выехала из замка не ради его убийства... Или вызвать на поединок как-то по-особенному кого-то очень опасного, чтобы сразу стало ясно – это ради любви. Или... О Господи, да мало ли могло быть случаев, в которых её супруг сумел бы проявить себя более достойно! А так... Или струсил, или не смог подобрать слов.»

Впрочем, какая теперь разница – момент уже упущен.

Герцогиня легко вздохнула и улыбнулась.

То тайное, что герцог собирался ей сообщить, для самой герцогини давно уже было совершенно очевидным.

В самом деле, много ли требуется умной женщине, чтобы распознать любовь к себе в мужчине, который только-только начал чувствовать её как зарождающуюся болезнь? Пожалуй, ничего для этого не нужно – мужчина сам себя выдаёт с головой. И пока он втискивается в эту новую область отношений и обживает в ней – такой неудобной, но такой притягательной – женщина не влюблённая имеет массу времени, чтобы определиться, насколько полезна может быть для неё эта страсть, и нужна ли она ей вообще?

Мадам Иоланда давно определилась.

Более того, это внезапно вспыхнувшее в муже чувство она сочла за добрый знак, за поощрение и одобрение свыше. Её дела, до сих пор вполне удачные и не требовавшие особой поддержки, перешли в стадию особых действий, где без такого человека, как Луи Анжуйский было уже не обойтись. Следовало посвятить его в свои планы. Но для человека неподготовленного они могли показаться слишком безумными и опасными. Настолько опасными, что в другое время герцогиня рисковала очутиться под домашним арестом и полным запретом на какую-либо переписку!

Но вмешалась Любовь!

Чувство тонкое полезное, хотя и глуповатое. И если правильно расставить акценты, если заставить герцога смотреть на помощь ей, как на рыцарскую защиту прекрасной дамы, то всё может получиться даже лучше, чем предполагалось!

Так и думала мадам Иоланда, не слишком стараясь изображать удивление перед внезапно возникшим в муже желанием провести с ней запретный для развлечений почтовый день. Она успела даже продумать, как начнёт излагать свои планы и ждала только одного – скорейшего объяснения, чтобы начать без помех!

Но увы! Похоже, решимость его светлости на свежем воздухе улетучилась. И придётся ей снова, как и всегда, брать инициативу в свои руки, чтобы из множества разваливающихся на разрозненные части ситуаций создать одно нужное ей событие.

– Мой друг, – ласково произнесла герцогиня, протягивая мужу руку, – наверное, я никогда не привыкну к тому, как предупредительны вы со мной бываете. Уже несколько дней не знаю под каким предлогом и какими словами уговорить вас не покидать меня в этом году надолго, и вдруг вы сами так прозорливо, так трогательно решаете никуда не ехать.

Голос герцогини прервался. Лошадь её переступила ногами, и протянутая рука легла прямо на запястье смущённого супруга. Герцог тотчас же схватился свободной рукой за эту тонкую, скрытую в перчатке ладонь, покрыл её поцелуями, а потом, чувствуя невероятное облегчение, забормотал что-то о неготовности, о больших расходах, о том, что скоро состоится Пизанский собор, и о полной невозможности с ней – дорогой женой – расстаться!

Герцогиня в ответ только счастливо улыбалась.

– Вы возвращаете меня к жизни сударь, – сказала она, когда поток герцогского красноречия иссяк.

Сказала и тут же опустила голову, якобы затем, чтобы скрыть вянущую на лице улыбку.

– — Что такое, душенька? – встревожился герцог. – Вы нездоровы?! Или ваши дела... Ну – те... Вы понимаете... Я же не дурак, кое-что вижу... Те, от которых вы так заботливо меня отгородили... Там что-то не так?

– Да, – твёрдо сказала герцогиня, поднимая голову и глядя мужу в глаза. – Там не хватает вас и вашей помощи, без которой я чувствую себя совершенно бессильной. И если вы согласитесь меня выслушать, а потом и помочь, то счастливей меня не будет на этом свете ни одной другой женщины!

Ответ ей уже не требовался.

Как, впрочем, и объяснение, которое так и не состоялось. Из глаз герцога потоками исторгались благодарность, обожание и такая готовность помочь, что можно бы и поменьше. Он что-то ещё говорил, краснея и сбиваясь, снова целовал ей руки и клялся перевернуть Францию вверх дном, если это ей понадобится, но мозг герцогини уже вносил поправки в задуманный разговор, придирчиво перебирая весь арсенал доводов, чтобы не испугать, не отвратить и вернее заставить герцога поверить во всё так же убеждённо, как верила она сама.

В тот день почта так и не была отправлена.

Несчастный секретарь до ночи просидел перед покоями герцогини, ожидая когда его позовут. Один раз даже показалось, что позвали, и он вскочил, роняя перья и листы. Но громкий голос оказался голосом герцога Анжуйского, и звал он совсем не секретаря. Что-то похожее на: «Ты сошла с ума! Я тебе не позволю!» прорвалось сквозь двери покоев, а потом снова стало тихо. И только когда вереница фрейлин почтительно пронесла мимо него приборы для вечернего туалета герцогини, секретарь понял, что услуги его сегодня не понадобятся.

Не имея приказа удалиться, он провел всю ночь здесь же, на старом дорожном сундуке, долго и неудобно ворочаясь. А когда сновидения всё-таки заставили его утомиться, из-за двери покоев донесся долгий сладострастный стон.

Судя по всему, герцог всё-таки «позволил»...

Через несколько дней Карл Лотарингский получил новое письмо из Анжера, подписанное уже самим герцогом Анжуйским.

Там, среди поздравлений с недавними славными победами, в пышном обрамлении обычной словесной шелухи, снова было высказано желание заключить союз с герцогом Карлом и скрепить его традиционным рыцарским воспитанием младшего сына герцога Анжуйского – Рене. К письму прилагалась короткая записка, писанная рукой мадам Иоланды. И то, что прилагалась она к почти официальному письму от самого герцога, снова заставило задуматься.

Видимо дело приобретало нешуточный размах, раз мадам подключила к нему своего супруга. Но любой размах в делах политических требовал крайней осторожности. Поэтому, поразмыслив несколько дней, мессир Карл сочинил ответ в духе «ни то, ни сё», но вполне допускающий его согласие, и отослал гонца в Анжер. При этом он ровным счётом ничего не терял: если герцогиня действительно в нём нуждалась, она закроет глаза на откровенную холодность послания и не отступит.

Расчёт вполне себя оправдал. Уже через месяц – в первый день лета – подгоняемый любопытством и договорённостью, которой достигли в завязавшейся переписке, герцог Карл приехал в аббатство Фонтевро, где и встретился с мадам Иоландой.

Аббатисе велено было удалить из клуатра³ и собора всех монахинь, так что разговор их никто не слышал. Но маленькая послушница, которую отправили поменять свечи в часовне, пробегая мимо, в собор всё-таки заглянула и заметила, как её светлость герцогиня Анжуйская что-то сказала, а его светлость герцог Лотарингский отшатнулся и страшно побледнел.

Больше послушница ничего не видела, потому что пробежала дальше, опасаясь кары за подглядывание. Но возвращаясь из часовни, снова не утерпела – заглянула опять. Её светлость герцогиня всё ещё что-то говорила, а его светлость слушал хоть и хмуро, но очень внимательно...

Видимо герцогиня рассказывала вещи интересные, потому что беседа растянулась на долгие часы, и величая аббатиса уже стала волноваться – не отдать ли приказ готовить комнаты для ночлега гостей. Но ничего такого не понадобилось. Не успели вернуться монахини, посланные за свежей соломой и чистыми простынями, как из церкви уверенной походкой вышла герцогиня Анжуйская, а следом за ней герцог Карл, перекрестивший себя рукой, едва ли не дрожащей.

– Да, выкидыш был, – тихо договаривала герцогиня. – Но я знаю абсолютно точно, что она снова беременна. Беременность эту тщательно скрывают, так что опасаться нечего...

Аббатиса, ставшая невольной слушательницей, быстро отступила в тень густого кустарника.

«Грехи, грехи...», – думала она, наблюдая как быстро её светлость сменила деловой тон на легкомысленный светский. – Весь мир погряз в грехе разврата и неверия. Отсюда и зло, и войны, и все наши беды – от гордыни, алчности, властолюбия... А Господь всё видит, во всех сердцах читает». Она хотела осенить себя крестным знамением, но тут заметила, что герцог Карл уже откланивается, придерживая руками длинные полы своего одеяния, а слуга мадам герцогини побежал во внешний двор седлать её лошадь.

Почтительно появившись из своего укрытия, аббатиса приготовилась выслушать положенные случаю слова благодарности, но их так и не последовало. Именитые гости были слишком заняты своими мыслями.

Мадам Иоланде ещё хватило благоразумия позволить аббатисе проводить себя до ворот, где ожидающие её лучники суежились, седлая коней и разгоняя обуревавший их сон. Герцог же вышел, не замечая никого.

– Ах, да! – воскликнула герцогиня, когда им подвели коней. – Я забыла об одном, очень важном...

Она оперлась ногой на подставленное колено слуги, вознесла себя в седло, и подъехала к герцогу, разгоняя его задумчивость.

– Девочке будет нужна какая-то мать. А лучше – целая семья из ваших владений. Женщину я подобрала. Вы же, если хотите, можете подобрать ей достойного мужа. Только, ради Бога, попроще.

Герцог хмуро кивнул, но, тоже поднимаясь в седло, заметил:

– Сначала пускай ребенок родится...

– Само собой, – улыбнулась герцогиня.

Их светлости развернули коней, еле склонив головы на благословение аббатисы, и поскакали за ворота.

Обе свиты тронулись следом, и только паж с одной стороны и лучник с другой подбежали к двери в санкристию⁴, перед которой на специальной подставке оставили пару увесистых кошельков, потом кинулись догонять своих.

³ Клуатром назывался внутренний двор всякого аббатства.

⁴ Санкристий (ризница) место, где находились сокровища и казна аббатства.

– Благослови вас Господь, судари, – пробормотала аббатиса, мысленно взвешивая подношения. – Благослови и прости вам грехи ваши – какие были, и какие будут. Аминь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КОРОЛЕВА ИЗАБО

(23 ноября 1407 года)

Поздно ночью покой королевской резиденции на улице Барбет был нарушен конским топотом, криками и лязганьем клинков.

Королева Изабо, схватившись за выпирающий живот, как ужаленная подскочила с постели, на которой только что задёрнула полог, и, дрожа от стремительно нарастающего ужаса, прислушалась.

Шум приближался.

Где-то внизу зашлась плачем служанка, и ясно прозвучало слово «покушение».

«Убивать идут!».

Изабо зажала себе рот рукой, чтобы не закричать. Как кошка прыгнула обратно на постель и лихорадочно принялась ощупывать простыни под подушками. «Кинжал!... Вот он! Против меча, конечно, ерунда... Но если подойти к убийце ближе...»

В дверь спальни заколотили.

«Если пришли убивать – то кого? Меня или Луи?»

Изабо машинально бросила взгляд на огромную подушку, совершенно бесполезно обшитую по канту жемчугом. Сама она таких не любила, но держала специально для герцога Орлеанского. Как жаль, что он ушёл так рано...

Дверь сотрясалась под ударами.

– Что случилось, в конце концов?! Кто посмел? Я не одета! – крикнула королева.

– Откройте, ваше величество! – слёзно заголосила за дверью кастелянша замка. – Его сиятельство герцога Луи только что убили!

«Слава Богу, не ко мне», – успела подумать Изабо прежде чем отодвинула засов. Но кинжал из руки не выпустила, а лишь прикрыла его длинным рукавом наспех накинутой меховой накидки.

В дверях, тяжело дыша, стоял один из оруженосцев герцога Орлеанского. Камзол, лицо и руки его были забрызганы кровью, ворот и рукав разорваны.

– Ваше величество! – в большом волнении закричал оруженосец. – Герцога только что зарезали на улице Тамплъ!

– Тихо!

Изабо втащила оруженосца в спальню и захлопнула дверь.

– Что вы кричите?! Совсем не обязательно оповещать пока всю округу! Рассказывайте, но спокойно и тихо.

Оруженосец нервно сглотнул.

Спокойно?! Какое уж тут спокойствие, когда в ушах ещё стоят крики и хрипы убиваемых!

– Мы доехали до улицы Тамплъ, – начал он, еле унимая дрожащие руки. – Там такой навес... ночью под ним ничего не видно. Они были верхом... У нашего Анри заржала лошадь, и лошадь кого-то из них, из убийц, заржала в ответ... Мы остановились, и тут всё началось! Они выскочили, как черти из преисподней! Герцог успел выхватить меч, но поздно... Пять человек! У всех кинжалы! Анри закололи сразу. Мы с Пьером пытались отбиваться, но там не повернёшься! Его стащили с лошади... Меня тоже пытались стащить, но... сам не знаю, как вырвался... Чудом ноги унес!

«Тебя нарочно отпустили, болван, – подумала Изабо. – Отпустили, чтобы ты помчался сюда и поднял весь этот переполох. А теперь, верно, ждут, что я вне себя от горя подниму крик или, совсем как дура, помчусь рыдать над трупом любовника».

– Но я знаю, чьих рук это дело! – продолжал между тем оруженосец. – На рукаве того, кто меня схватил, был красный бургундский крест! А потом...

– Заметил так держи при себе! – перебила королева, затравленно озираясь. – Если ты прав, то этого убийцу не накажут, можешь мне поверить.

Оруженосец от удивления перестал дрожать.

– А король?! Это же его брат! Он же сам мирил их с Бургундцем! Трёх дней не прошло... Неужели он не покарает?!

На это Изабо даже не стала отвечать. Страх постепенно вытеснялся в ней раздражением. Король... Полоумный дурак – вот кто ваш король! Кукла на веревочках, которой управляет тот, кому эти веревочки попадут в руки. Не так давно они были в руках Луи, а вот теперь... Теперь ей, пожалуй, надо всерьёз задуматься о своей безопасности, да и о дальнейшей жизни тоже.

Ребёнок в животе завозился, и пальцы на рукояти кинжала непроизвольно стиснулись сильнее.

Красивый клинок. Подарок герцога. Взамен он получил золотой медальон с её изображением и хвастался, что носит его не снимая...

Королева посмотрела на оруженосца. Тот тихо плакал.

– Где сейчас герцог? – спросила она.

– Не знаю... Наверное, там же... на улице Тампль...

Ох, как плохо!

– И ты посмел бросить своего господина?! – зашипела Изабо.

Оруженосец упал на колени и отчаянно затряс головой.

– Нет-нет, ваше величество, я звал на помощь! Там вышли какие-то люди... Вместе мы вернулись, но всё уже было кончено, убийцы разбежались. Я оставил тех людей охранять убитых, а сам поспешил сюда!

Изабо еле сдержала рвущееся наружу бешенство. Оставил охранять! Господь Всемогущий! Эти проходимцы наверняка уже обшарили трупы и сняли с них всё ценное! Если, конечно... Если «те люди» не торчали там нарочно.

Она передернула плечами, словно замёрзла. От движения накидка соскользнула. Изабо быстро поправила её, и остро отточенный клинок сверкнул отраженным огнём светильника.

Оруженосец невольно отшатнулся.

– Встаньте с колен, – ласково сказала королева, и губы её задрожали.

Пора, пора изображать безутешно горящую. Если медальона на месте не будет, значит, и её конец не за горами!

Всем своим видом Изабо дала понять, что наконец-то осознала, какая беда на неё свалилась.

– Встаньте и возьмите этот кинжал. Теперь он ваш. Это очень ценная вещь, особенно потому, что принадлежала когда-то его светлости...

Голос королевы прервался. Она выронила клинок и прижала пальцы к глазам, как будто пыталась удержать рвущиеся наружу слезы. Смущённый оруженосец благоговейно поднял кинжал, поцеловал его, потом сунул за пазуху к самому сердцу и прошептал:

– Я сделаю всё, что вы прикажете, ваше величество.

Изабо тут же вытерла едва увлажнившиеся глаза.

– Сейчас вы возьмёте людей из моей охраны и отправитесь назад. У герцога на груди должен быть медальон. Вы заберёте его и принесете мне, сюда. Но, если медальона там не окажется.., – королева наклонилась к самому лицу так и не вставшего с колен оруженосца, и глаза

ее недобро сверкнули. – Если медальона там не окажется, вы ведь найдёте его для меня, правда? Любой ценой найдёте, даже если придётся разыскать и перебить всех ТЕХ людей.

Оруженосец понимающе кивнул. Стараясь не смотреть на живот Изабо, он встал и боком попятился к двери.

– И еще..., – догнал его голос королевы. – Не спешите пока рассказывать о красных крестах, которые вам померещились.

20 ноября – за три дня до убийства на улице Тампл – в ознаменование мира и согласия, которого требовали все принцы и сеньоры Франции, герцог Луи Орлеанский прибыл в Париж, чтобы протянуть руку дружбы своему давнему неприятелю – мессире Жану Бургундскому. Кузены принародно обнимались, лобызались, обменивались драгоценностями и вместе приняли святое причастие.

Однако, показная дружба мало кого смогла обмануть.

В первую очередь – королеву Изабо.

«Бургундский волк подобрался к самому горлу», – подумала она тогда, готовая ко всяким неприятностям.

Но даже в самых смелых предположениях королеве в голову не могло прийти, что уже через три дня произойдёт это наглое убийство!

А самое главное – зачем?!

Бургундец не мог не понимать, что на него первого падёт подозрение. И, раз уж решился на такое злодейство, то либо он совсем обезумел, либо тайком заручился у Парижской знати настолько мощной поддержкой, что совсем ничего боится. И выходит, что бояться отныне следует ей!

Сидя на краю размётанной постели, почти не замечая волнующееся в утробе дитя, королева перебирала в уме все тревожные и подозрительные знаки последних дней и последних часов, которые помогли бы ей определить круг заговорщиков.

«Луи никогда не уходил от меня ночью – думала она, – всегда ждал рассвета. Но сегодня за ним прибежал посыльный и сообщил, что Томас де Куртез – камердинер короля – велел передать, будто мой полоумный супруг срочно требует герцога к себе.

На первый взгляд – не так уж странно. Шарль любит выдергивать людей из постели, поэтому Луи всегда держал в доме посыльного, готового бежать сюда, если понадобится. Но сегодня... Не странно ли? Неужели король знал о покушении?!»

Изабо сжала голову руками.

«Нет, не может быть! Во время приступов Шарль сам хватается за меч и разит всех без разбора, как это было во время похода на Бретань. Он не стал бы посылать камердинера – явился бы лично, и душа Луи сейчас горела бы в аду вместе с моей. Но, когда разум короля светлеет, никто и ничто не принудит его к убийству из-за угла. Значит, что? Значит, Бургундец подмял под себя ближнее окружение Шарля, и теперь те, кто управляет настроением короля, кормятся с его рук!».

Королеве стало жарко. Она подошла к узкой бойнице в стене, крестом прорезающей стену особняка, и жадно вдохнула отголоски холодного ночного воздуха.

«Ох, Луи, Луи, с тобой последнее время было непросто, но теперь я осталась совсем одна. Очень скоро Бургундец добьётся прощения за твоё убийство, и только Бог знает, что в таком случае будет меня ожидать. Заточение? Изгнание? Если король к убийству непричастен, то сейчас коротышка, скорей всего, в бегах. Но он обязательно вернётся! И когда вернётся, станет здесь полновластным хозяином. Все будут искать с ним дружбы. И мне придется тоже...»

Королева безвольно привалилась к холодной стене.

Господи, и за что только этот злобный карлик так её возненавидел?! Что плохого она ему сделала? Всегда была мила, всегда тепло относилась к его отцу и братьям! Что же до политики... Боже мой, она всего-навсего любила Луи, поэтому и была на его стороне!

Перед глазами Изабо вереницей протянулись обрывочные воспоминания о последних трёх днях. Вот Жан Бургундский выходит из-за спины короля, чтобы пожать руку Луи... Вот он наклоняется, чтобы поцеловать её... Вот смотрит – смотрит страшно и страстно... Вот протягивает руку вечером на приеме, чтобы вести её на танец, и снова смотрит так, что холодеет спина!

Внезапно, в голове королевы мелькнула спасительная и очень приятная догадка: «А что, если Бургундец просто влюблен и ненавидит меня потому что ревнует?»

Она быстро переставила светильник к полированной поверхности зеркала и жадно в неё всмотрелась.

«Я хороша, – сказала себе Изабо, поворачиваясь самым выгодным ракурсом. – Я всё ещё хороша... А три дня назад, в соборе, с животом, спрятанным под складками, причёсанная и убранная, во всех своих драгоценностях была просто прекрасна! Вот потому коротышка и смотрел на меня так, как смотрят только ревнивцы, готовые на всё!»

Пламя в светильнике дрогнуло, и отражение королевы затрепетало. От неверного света в глубинах зазеркалья что-то проплыло, пугая Изабо, и она невольно вспомнила...

* * *

Тринадцать лет назад, когда умер Шарль Мудрый, так и не успевший заключить политически выгодный брак между своим сыном и дочерью герцога Баварского-Ингольштадского, дело до конца довел опекун его сына – Филипп Бургундский. Ради того, чтобы иметь сильных союзников в Германии, он привёз племяннику в качестве невесты 15-летнюю Елизавету, которую на французский манер все стали называть Изабо.

Ах, какие это были времена!

Народ тогда обожал свою королеву, отдавая должное её застенчивому взгляду, нежному цвету лица и безупречному вкусу. Изабо сама придумывала себе наряды, головные уборы и, желая скрыть маленький рост, ввела в моду каблук, так выгодно изменивший осанку дам французского двора. А ещё – глубокое декольте, потому что ей всегда было что показать.

Изабо вздохнула, глядя в зеркало. Свободной рукой натянула сорочку на груди так, чтобы чётче обозначились формы и залюбовалась отражением.

Да, грудь у неё – всем на зависть, даже несмотря на выпирающий живот и предыдущие двенадцать беременностей. Хорошо ещё, что организм у Изабо обладает удивительным свойством восстанавливаться очень быстро. Не будь этого, все вынашивания и роды совершенно бы её изуродовали. Уж и так – по словам врача – последняя беременность завершилась трагично именно потому, что случались они слишком часто. Новорожденный мальчик умер почти сразу, а ведь она хотела назвать его Филиппом, в честь старого герцога Бургундского и вопреки всем возражениям со стороны Луи...

Изабо поникла и отпустила сорочку.

Ну вот – теперь возражать некому. Она вольна назвать будущего ребёнка как хочет. И сейчас, скорей всего, назвала бы мальчика Луи. Жаль только, что и он должен умереть. Если и не в буквальном смысле, что было бы благом и для него и для неё, то для двора и света этот ребёнок вообще не должен существовать.

А жаль. Возможно, он стал бы любимым...

Из двенадцати детей, которых родила королева, живы лишь семеро. Но даже из них любит она далеко не всех. Пожалуй, больше всего старшего Луи – он дофин и сможет, если что, заступиться за мать. Да ещё малышку Катрин, потому что она, как никто, напоминает своего убитого отца.

Но четырёхлетнего Шарля Изабо видеть не может!
Уж этот точно от короля...

Как только стало возможно, она отослала сына в Пуатье, несмотря на шушуканья при дворе и косые взгляды за спиной. Отослала, чтобы не маячил перед глазами и не напоминал о дне своего зачатия.

По телу королевы пробежала дрожь отвращения, и двойник в зеркале тоже задрожал.

Мужа своего она никогда не любила.

Шарль не понравился Изабо при первой же встрече. Он сразу показался ей слишком нервным, похотливым и мало понятным из-за того, что то и дело впадал в крайности: то вдруг начинал себя вести, как человек, ни от кого не зависящий, то шагу не мог ступить без одобрения вчерашних опекунов. Но понимая с раннего детства, что брак для неё – это обязанность, которую следует принимать любой, молодая королева старалась сдерживать растущую неприязнь к супругу. «Стерпится – слюбится», – повторяла она слышанное где-то выражение и терпела, пытаясь быть всегда любезной и милой и ожидая, когда же наконец слюбится.

Однако роскошь французского двора и всеобщее льстивое обожание скоро заставили думать, что достойна она большего. И тут случилось непоправимое! Голубые глаза молодого герцога Орлеанского однажды взглянули на неё далеко не по-родственному, и стало ясно как Божий день, что с супругом не слюбится уже никогда. Страсть, особенно острая из-за того, что была запретной, поглотила Изабо целиком и показала, как счастлива может быть женщина в любви.

С тех пор она еле терпела слюнявые поцелуи мужа и его суетливые полубезумные ласки. А тот словно раззадоривался отвращением жены. Являлся в её покои с каким-нибудь подношением и, улыбаясь, приговаривал: «Я порадовал вас, душенька. Теперь порауйте и вы меня». И только воспоминания о тайных – таких бесконечно сладостных – свиданиях с Луи и надежда на новые спасали Изабо во время тягостных обязанностей на супружеском ложе.

Где уж тут было замечать кривονогого коротышку со злым лицом, который то появлялся в тени своего отца, то исчезал во главе армии, воевавшей где-то за тридевять земель! Там он ухитрился попасть в плен и был выкуплен как герой, но даже тогда привлёк внимание королевы лишь размером выкупа да скандалом, связанным с его долгим возвращением.

Что поделать: рядом с Луи Бургундцу не хватало красоты и роста, а рядом с отцом – герцогом Филиппом – власти. Власть же, как Изабо со временем осознала, куда привлекательней красоты. Не зря она всегда тепло относилась к старому герцогу. Была благодарна за брак, который сделал её королевой, и никогда не забывала поддержки, оказанной герцогом Филиппом в те трудные летние дни 92-го года, когда безумие, впервые поразило её супруга.

Что уж теперь притворяться... Любовь – любовью, однако закрывать глаза на то, что Луи оказался не способен управлять страной, было бы большой глупостью. Кое-как Изабо сумела убедить честолюбивого герцога Орлеанского переложить большую часть королевских обязанностей на дядей – герцога Бургундского и герцога Беррийского, а самому утонуть в море любовных утех, расточительства и беззаботности. Но это было так сложно! Луи из всех сил упирался, требовал полной власти, и только дипломатичность герцога Филиппа позволила устроить так, чтобы все остались довольными. Изабо считалась регентшей, которую ради её же безопасности удалили от безумного Шарля. Луи, изображая короля, сорил деньгами направо и налево и вводил новые налоги, поднимая муть плебейского негодования. А герцог Филипп любезно закрывал глаза на всё, устраивая дела свои, своего герцогства и старшего сына.

Он предоставил Луи рыть себе могилу собственными руками.

Но это Изабо понимает только теперь. Тогда же она совсем потеряла голову от свободы, от любви и кажущейся абсолютной власти!

В те счастливые времена она еще жалела коронованного безумца. Сажать под замок его не осмеливались, но он сам целыми днями дрожал в своих покоях и бросался с криком «Измена!» на любого вошедшего...

О Господи, как же сложно тогда было искать ему слуг! Все боялись.

Изабо и сама долго не могла без дрожи слушать рассказы очевидцев о позорном окончании похода на Бретань. Словно наяву вставали перед ней убитые мужем беспечные дворяне, а в ушах так и стоял звон и скрежет его меча о железные доспехи тех, кто, решился все же подъехать и усмирить обезумевшего монарха.

Нет, нет! Она бы не хотела увидеть в один прекрасный день, как супруг несётся на неё с криком «Измена», пусть даже и с волосяной подушкой в руках...

Но в те годы он бы на неё ещё не кинулся... На любого другого – да, но только не на неё – вожделенную жену, припав к груди которой, Шарль засыпал как доверчивый ребенок. И она изредка дарила ему эту радость, приезжая в Лувр как укротительница, как спасительница и ангел утешения!

Эх, придушить бы полоумного идиота прямо тогда!

Но Изабо была слишком счастлива. Великодушная в своём счастье даже пыталась лечить супруга и осыпала милостями любого, кто обещал хоть какое-то исцеление. Однако, ни медики, ни оккультисты всех мастей ничего не могли сделать. Разве что появилась при дворе новая игра в раскрашенные картинки, которую придумали специально для безумного короля.

А потом внезапно улучшение наступило само собой.

И, кстати, поначалу всё было не так уж и плохо. В ослабевшем короле прежнего любовного пыла почти не осталось. Он даже не пытался донимать супругу как раньше, поскольку силы были уже не те.

Не осталось их и на управление страной. В итоге, даже при относительно здоровом короле владели Францией всё те же два человека: герцог Бургундский – умный и корыстный, готовый разделить страну с англичанами как хлебный пирог, лишь бы они наелись и не разевали рот на Бургундию; и герцог Орлеанский – весело разорявший отечество ради собственных прихотей.

Болван Шарль слушался их во всем, даже в минуты просветления не понимая, что эти двое пользовались как Францией, так и его женой: один со сладострастным упоением, а другой – с неизменной выгодой. Если же король вдруг начинал артачиться, его как младенца соской умиряли каким-нибудь турниром или празднеством, по устройству которых все тут были мастера.

Впрочем, тогда Изабо подобные вещи мало волновали. Пускай себе тешатся – ей ведь тоже перепадало. Главной заботой по-прежнему оставались удовольствия, а критерием счастливой жизни было отсутствие всего, что могло бы этим удовольствиям помешать.

И королеве, действительно, мало что мешало.

Шарль, благодарный за заботу во время болезни, позволил ей оставить свой двор в особняке на улице Барбет, где Изабо укрывалась в период безумия супруга. Здесь свидания с Луи продолжились даже при здоровом муже. И были так страстны и часты, что Изабо и сама уже толком не знала, от кого у нее родились почти подряд три девочки – Мари, Мишель и Катрин.

Хотя нет, Катрин – точно от Луи: у неё такие же голубые глаза...

Зазеркалье подернулось странной дымкой, и королева почти вплотную приблизила лицо к отражению.

Какая гладкая кожа. И шея ровная, ни единой морщинки. Как долго они ещё останутся такими? И не пропадёт ли красота, как и прежнее её счастье – не вовремя и очень быстро?

Не дай, Господи!

Она уже стояла однажды на пороге отчаяния и до сих пор отлично помнит, как прятала под высоким воротом синяки и ссадины на этой шее!

Изабо жадно всматривалась в собственное лицо. «Не хочу, не хочу! – с отчаянием думала она. – Я каменею перед страхами и унижениями! Если Бургундец обвинит меня перед королем, начнётся ад хуже того, который был, и я тысячу раз позавидую Луи, потому что он ещё легко отделался!».

Пять лет назад у короля снова начались приступы безумия, и герцог Филипп почти приказал ей не покидать особняк Барбет.

Но Лувр – не тюрьма.

В лучшем случае Шарль сидел где-нибудь в тёмном углу, часами смотрел в одну точку и, пугаясь каждого шороха, испражнялся прямо под себя, хотя стул для испражнений всегда ставили с ним рядом.

Безумие пожирало слабую плоть всякий раз по-разному.

Но порой – бодрый и деятельный – он вдруг переходил в своём возбуждении какую-то черту, и больной разум словно кривое зеркало гнул и корёжил действительность, превращая её из опасной во враждебную. Тогда Шарль начинал бегать по Лувру в поисках оружия и раздавал оплеухи направо и налево, не разбирая, кто ему подвернулся.

Внезапно мог потребовать коня, чтобы съездить к «душеньке-королеве», а если на дворе в это время была ночь, и ему об этом говорили, впадал в ярость, все вокруг крушил и орал, брызгая слюной, что «к этой шлюхе только по ночам и ездить!». Даже в минуты просветления, приезжая внезапно в особняк Барбет, король пугал гостей Изабо молчаливым обходом зала, когда, заглядывая во все углы, вдруг задира л юбку на какой-нибудь даме и, злобно смеясь, спрашивал: «Кого это вы тут прячете?»

Изабо шутками и напускной беззаботностью старалась сглаживать неловкие моменты, но беда заключалась в том, что её вид больше не успокаивал Шарля, и двор всякий раз угрюмо замолкал при появлении короля, поскольку никто не чувствовал себя в безопасности рядом с ним.

Как-то раз он ударил и королеву. Почти случайно – так, что сам испугался сделанного. Но страх на лице жены, видимо, произвёл сильное впечатление, потому что Шарль, помедлив мгновение, снова ударил её – уже нарочно. Потом ещё раз и ещё и неизвестно сколько бы ударов пришлось тогда на долю Изабо, не перехвати герцог Филипп руку короля, занесённую для нового удара.

А однажды... о, этот кошмар страшно даже вспоминать! Однажды король появился на улице Барбет, как всегда внезапно. Прямо с порога закричал, что верно ошибся воротами и это дом его брата. Потом подошёл к карточному столу, за которым сидела Изабо с несколькими дворянами, схватил её за подбородок и повернул лицом к себе. «Нет, не ошибся, – глумливо захохотал король, – это не Валентина Орлеанская! Смотрите, как эта шлюха похожа на мою жену, которая почему-то со мной не живёт!».

Изабо стало страшно. По глазам мужа она видела, что начинается новый приступ, но рядом не было ни медиков, ни его дядей, которые единственные могли физически усмирить безумца. Попробовала отшутиться, чтобы успокоить гостей, но Шарль вдруг отскочил от нее, закрываясь руками, завопил: «Оборотень! Шлюха-оборотень!», а потом вырвал алебарду у стражника возле двери и, радостно оскалившись на разлетевшихся словно пух от метлы гостей, заорал то самое страшное: «Измена!».

Острым концом алебарды он погнал королеву из зала, потом по коридорам – до самой спальни. Там сорвал с кричащей перепуганной жены одежду, повалил на постель, изнасиловал и принялся избивать.

Крики о помощи, перемежаясь с визгом, разносились по всему дворцу; но ни гости, ни челядь, ничего не могли сделать. Король есть король. И даже безумный, он всё равно остаётся неприкосновенным помазанником Божьим! Только когда крики перешли в хрип, и всем стало ясно, что королева вот-вот будет задушена, Гийом дю Шастель решительно бросился в спальню и, оглянувшись – не видит ли кто, ударом крепкого кулака на время умирил обезумевшего монарха.

Шарля тут же увезли в Лувр, к медикам, которые констатировали ухудшение в состоянии больного. Синяк на лице Божьего помазанника списали на неудачный удар о древко алебарды, а фиолетово-черные отметины на шее королевы покрыл поцелуями срочно вернувшийся из Шартра герцог Орлеанский.

О, Луи тогда был в ярости! Какой повод! Какой простор для гнева и мщения! Он даже пытался развить бурную деятельность, желая всем доказать, что в делах чести не остановится даже перед братом-королём! Безопасности ради тут же отослал из Парижа Гийома дю Шастель вместе с его братом Танги, велев им затеряться в действующей армии где-нибудь на северо-западном побережье. Затем вызвал к себе Бернара д'Арманьяка и надолго уединился с ним, предложив Изабо «пока не волноваться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.